

Анатолий Полоз

Двемер Меча и Магии

Анатолий Полоз

Двеме́р Меча и Магии

<https://litres.ru/73493873>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где магия — это не дар, а наука, а клинок способен рассечь не только плоть, но и саму ткань реальности, пробуждается наследие забытого народа. Двеме́ры исчезли века назад, оставив после себя лишь руины, механизмы и легенды. Но однажды появляется он — последний из них.

Двеме́р — маг, инженер и стратег, соединяющий древние знания с дерзкой волей творца. В его руках — арбалет пространства-времени, способный стрелять сквозь измерения. Под его руководством Цитадель и Гильдия магов достигают небывалого могущества, алтарь мысли рождает элементарей стихий, а сама магия перестаёт быть пределом возможного.

«Двеме́р Меча и Магии» — это эпическая сага о силе мысли и ответственности за неё, о падении великих и рождении нового порядка, о мире, где магия — инструмент созидания, а меч — продолжение воли. История о том, как одна феерическая идея может изменить судьбу вселенной.

Анатолий Полоз

Двемер Меча и Магии

Двемер Меча и Магии

Часть I. Зарождение силы

Глава 1. Гильдии Тактиков

Зал Совета был похож на древний склеп, только вместо саркофагов здесь стояли длинные дубовые столы, обитые чёрной кожей. На сводах – руны, светящиеся багровым светом, словно сама каменная кладка хранила память о битвах прошлого. Никто не говорил громко: каждое слово отдавалось эхом, и казалось, будто стены слушают.

Собрание называли Совет о древних рунических битвах. Оно проводилось лишь раз в столетие, когда мир снова начинал дрожать от приближения катастрофы. В этот раз причиной были новые знаки, проявившиеся на руинах к северу: предвестники возвращения магических бурь, разрушавших войска, города и даже королевства.

У стола сидели разные фигуры: маги в багряных мантиях, воители с клеймами орденов, наёмники с холодным блеском в глазах. Но взгляд всех был прикован к тому, кто стоял у входа.

Двемер.

Он был чужаком для большинства – невысокий, с медной кожей и жёсткими чертами лица, словно высеченными из

камня. Его глаза, светящиеся золотым отблеском, выдавали наследие древних глубинных кузнецов. В его клане хранились знания о металле, которых не знала больше ни одна раса. Но здесь, среди тактиков и магов, к нему относились настороженно.

Вербовщик поднялся из-за стола. Его лицо скрывала простая тканевая маска, а голос звучал ровно, как у человека, привыкшего оценивать и покупать – людей, войска, целые судьбы.

– Что ваш клан может предложить нам? – спросил он холодно, и в тишине эти слова прозвучали как удар кувалдаа.

Двемер кивнул, будто ждал именно этого.

– Помощь в процессе сражений, – его голос был низким, тяжёлым, как скрежет стали. – Советы по тактике. У нас есть кузнецы, оружейники, у которых вы можете модифицировать и ремонтировать свои артефакты вне очереди.

Некоторые переглянулись. Для обычного воина подобное было роскошью, для войска – преимуществом, а для империи – шансом на выживание.

Вербовщик склонил голову набок, словно прикидывая цену.

– Ваши кузнецы славятся, это правда. Но вы давно не воювали. Откуда нам знать, что ваши тактики не устарели? Рунические войны были пять веков назад.

– Руны не стареют. Они лишь ждут, пока кто-то их разбудит.

С этими словами он достал из-за пояса тонкую пластину металла, усеянную символами. Руна, высеченная на её поверхности, вспыхнула зелёным светом, и прямо на столе проявилась карта. Поле боя: горы, реки, укрепления. Фигуры, словно шахматные, начали двигаться сами собой – отражая ходы сражения.

Зал притих. Даже старые маги наклонились ближе.

– Это был бой у Перекрёстка Рек, – сказал Двемер. – Пять армий, три магических ордена и десятки тысяч павших. Моя кровь помнит каждый шаг. Каждую ошибку. Мы знаем, как рушить легионы. Как останавливать бурю. И как направить её против врага.

Фигуры на карте сражались, а затем одна руна сверкнула ярче – и бой замер. Победа была достигнута всего несколькими тактическими ходами.

Вербовщик медленно опустил обратно в кресло.

– Красиво, – сказал он. – Но красота не останавливает меч у горла.

Двемер наклонился к нему, и в его золотых глазах мелькнула искра.

– Не красота, – ответил он.

Совет зашумел. Одни шептались о цене возможного союза. Другие спорили о том, можно ли доверять клану, скрывающемуся под горами. Но Вербовщик, казалось, оставался спокоен.

– Ваш клан хочет место в Гильдии Тактиков? – уточнил

он.

– Не место, – возразил Двемер. – Голос. Мы не рабы вашей империи. Мы союзники.

– Союзники, которые приходят только тогда, когда пахнет бедой?

Двемер выдержал паузу.

– Когда беда приходит, важно не то, кто пришёл первым, а кто удержит себя.

Эти слова повисли в воздухе. Вербовщик не ответил сразу. Он смотрел на карту, на руны, вспыхивающие и гаснущие, будто дыхание древнего мира.

Наконец он заговорил:

– Хорошо. Я представлю вашу заявку Совету. Но помните, Двемер: доверие стоит дороже артефактов. Если вы предадите нас, даже ваши кузнецы не спасут вас от возмездия.

Двемер кивнул.

– Мы помним. Но и вы помните: без кузнецов битвы не выигрываются.

Когда собрание закончилось, зал опустел, и лишь двое остались у грозового стола: Вербовщик и Двемер. Свет рун тускнел, превращая карту в грудку серых линий.

– Скажи, – тихо произнёс Вербовщик, снимая маску. Его лицо оказалось усталым, с резкими чертами и шрамом на щеке. – Зачем ты на самом деле здесь?

Двемер поднял взгляд.

– Руны пробудились, – ответил он. – И то, что грядёт, больше, чем битва. Это возвращение того, что мы сами изгнали.

Вербовщик нахмурился.

– Ты говоришь о Рунической Буре?

Двемемер медленно кивнул.

– Она снова дышит.

И в тот миг, когда он это сказал, своды зала дрогнули. Руны на стенах вспыхнули ярче, и на миг показалось, будто сама каменная кладка затаила дыхание.

Совещание окончено. Но это было лишь начало.

Зал опустел, но в воздухе ещё витала тяжесть слов. Двемемер стоял перед столом, где мерцала карта сражений. Вербовщик не спешил уходить – его взгляд оставался прикованным к рунам.

– Ты упомянул, что тактика держится не на словах, а на силе, – тихо сказал он. – Но сила не всегда в войске. Иногда она в артефакте.

Двемемер медленно вынул из-за пазухи небольшой предмет. На первый взгляд – простой куб из тёмного металла, без украшений. Но при ближайшем рассмотрении было видно: каждая грань испещрена мельчайшими знаками, словно сама материя была тканью рун.

– Это и есть сердце нашей реальности, – сказал он. – Куб. Вербовщик скептически прищурился.

– Всего лишь кусок металла?

Двемер не ответил. Он положил куб на стол. Тот зазвенел низким, почти неразличимым тоном, будто в каменных стенах проснулся голос.

– Этот артефакт передавался через поколения, – продолжил Двемер. – Мы зовём его Монускрипт измерений. Для многих он кажется безделушкой, но знающие понимают: в нём спрятаны измерения.

Он коснулся руно-гравированных граней, и куб засветился мягким аквамаринovým светом. Сначала это был простой отблеск, затем линии начали складываться в узор, переходящий с грани на грань. Свет становился ярче, воздух в зале дрожал.

Вербовщик сделал шаг назад.

– Что ты делаешь?

– Сеть монускриптов, – ответил Двемер. – То, что позволило нашим предкам обуздать поле боя не только в пространстве, но и во времени.

Куб начал меняться. Его линии тянулись наружу, словно пронзая пустоту. Грани удваивались, складывались, множились. То, что было трёхмерным телом, превращалось во что-то большее.

Сначала Вербовщик видел куб с прозрачными гранями, потом – два куба, вложенных друг в друга. Затем – четыре. Наконец – фигуру, которую его разум едва мог уловить.

– Это... гиперкуб? – прошептал он.

Двемер кивнул.

– Да. Гиперкуб Двимеров. Артефакт, способный соединять измерения. Его нельзя понять глазами, нельзя записать чернилами. Его можно только почувствовать.

И действительно: чем дольше Вербовщик смотрел, тем труднее становилось дышать. Куб словно втягивал взгляд внутрь, туда, где мерцали тысячи пересекающихся осей, каждая из которых уходила в бесконечность.

– Но зачем? – спросил он хрипло. – Для чего управлять измерениями?

Двимер продолжал волшебство. Его пальцы скользили по рунам, он шептал слова на древнем языке, и фигура продолжала меняться.

– На поле боя не всегда побеждает сильнейший, – сказал он. – Иногда побеждает тот, кто стоит в нужном месте в нужное время. Наши предки нашли способ менять само понятие «место» и «время».

Свет гиперкуба отразился в его глазах.

– Тактика в четырёх измерениях.

Воздух стал густым, словно мед. Вербовщик почувствовал, как стены зала отдалились. Он оглянулся – и вдруг понял, что их больше нет. Вместо каменных сводов вокруг простиралось бесконечное пространство из линий света, уходящих во все стороны.

Они стояли внутри гиперкуба.

Вербовщик едва удержался на ногах. Его тело словно распадалось на множество копий: он видел самого себя то сбо-

ку, то сверху, то издалека, будто все версии его существования собрались здесь разом.

– Это невозможно, – выдохнул он. – Это... иллюзия?

– Нет, – ответил Двемер. – Это измерения. Ты видишь их так, как мы их чувствуем.

Вербовщик шагнул вперёд, и пол под ногами изменился: он ступил сразу в три стороны. Его тело раздвоилось и тут же вернулось в единое. Голова закружилась.

– Это безумие...

– Нет, – возразил Двемер. – Это интеллект.

Он вытянул руку, и куб откликнулся: линии света слились в карту. Только это уже не была карта сражений прошлого. Это была карта будущего. Вербовщик видел, как войска выстраиваются на равнине, как воины двигаются ещё до того, как сражение начнётся.

– Это... предвидение?

Двемер медленно кивнул.

– Тактический куб не просто отражает битвы. Он показывает все возможные их исходы. Мы можем выбрать линию, по которой пойдёт мир.

Сила артефакта захлестнула пространство. В видении Вербовщик увидел себя: сидящего за столом Совета, принимающего союз с двумерами. Затем – другой исход: он отвергает их, и через месяц столица горит в огне. Ещё один – он убит наёмником до рассвета. Тысячи версий его жизни пронесли перед глазами, как зеркала, разбивающиеся одно за

другим.

– Хватит! – закричал он. – Останови это!

Двемер коснулся рун, и пространство вернулось в прежний вид. Гиперкуб снова стал простым кубом на столе. Вербовщик тяжело дышал, словно пробежал много миль.

– Ты... показал мне смерть, – сказал он дрожащим голосом.

– Я показал тебе возможности, – спокойно ответил Двемер. – А что ты увидел – зависит только от твоего выбора.

Некоторое время они молчали. В зале снова воцарилась тишина.

Наконец Вербовщик поднял глаза.

– Если вы действительно владеете таким артефактом... тогда да, ваш клан должен быть в Гильдии Тактиков. Но стоит вам использовать его против нас, и мы обратим все силы мира против вас.

Двемер поклонил голову.

– Тогда будем надеяться, что гиперкуб покажет нам одну дорогу.

И снова куб загорелся слабым светом, словно соглашаясь с его словами.

Совещание окончено. Но теперь Вербовщик понимал: он стал свидетелем не просто союза. Он увидел оружие, способное менять реальность.

Тишина в зале длилась недолго. После того как гиперкуб двумеров раскрыл свои грани, воздух словно потрескивал.

Каждое дыхание ощущалось хрустким, как лёд, а пространство вокруг выгибалось, точно зеркало, которое слишком сильно нагрелось на солнце.

Вербовщик сделал шаг назад, держа руку на рукояти клинка. Его глаза сузились.

– Это... испытание, – произнёс он негромко. – Куб не показывает истину, пока мы не докажем, что способны выдержать отражение самих себя.

Двимер кивнул. В его глазах загорелись отблески интереса.

– Пешки отражений, – сказал он. – Их нельзя одолеть силой оружия. Они рождаются из наших собственных движений. Каждый удар, каждый взмах клинка или жест заклинания будет зеркалиться. Это не враги – это сама тактика, поставленная против нас.

Сначала было едва слышное гудение. Потом из воздуха начали выступать силуэты. Они складывались, как из тончайшей дымки, но быстро уплотнялись, обретая форму.

Их было четверо.

Вербовщик узнал себя сразу – отражение шагнуло вперёд, в точности повторяя его движения, но с пустыми глазами, излучающими тусклый свет. За ним появился двойник двемера, в руках того – механический кувалда, украшенный рунами, но более грубый, искажённый, словно его выкованы в кривом зеркале. Ещё двое были точными копиями членов их клана, присутствующих в зале.

– Пешки готовы, – произнёс двумер. Его голос дрогнул не от страха, а от волнения. – Теперь посмотрим, чья магия прочнее.

Отражения двинулись синхронно. Их шаги были гулки-ми, будто за каждым стоял скрытый механизм. Вербовщик выхватил клинок, но тут же осознал – каждое его движение повторяет копия. Он сделал выпад – отражение зеркально ткнуло в грудь. Лезвия встретились, и искры разлетелись по воздуху.

– Бессмысленно, – пробормотал он. – Оно не просто копирует... оно предугадывает.

Двумер в этот момент развернул кувалда. Его отражение сделало то же самое. Удар был столь силен, что мраморные плиты пола треснули. В зале запахло озоном.

– Они сильнее, чем я ожидал, – процедил двумер, отскакивая. – Но куб не создаёт невозможного. Значит, есть изъян.

Вербовщик отскочил назад, давая себе секунду на дыхание. Пешка-отражение сделала то же самое, точно повторяя.

– Тактика... – он взглянул на двумера. – Куб проверяет не умение драться, а умение мыслить.

Он опустил меч. Пешка сделала то же самое.

Вербовщик выпрямился, положив клинок в ножны. Отражение последовало.

– Интересно, – сказал он. – Если я откажусь от боя, пешка

станет бездействовать. Но что дальше?

Двемер скрипнул зубами. Его отражение сделало это же.

– Нет... – вдруг понял он. – Они повторяют не только наши движения. Они отражают наши решения. Это значит, что, чтобы победить, нужно придумать ход, который нельзя отразить.

Вербовщик нахмурился:

– Ход вне плоскости зеркала...

Глаза двемера сверкнули.

– Именно. Мы должны соединить тактику и магию гиперкуба. То, что отражение не может воспроизвести – синхронизацию двух умов.

Они переглянулись. Вербовщик сделал шаг вперёд, отвлекая внимание пешек. Его отражение зеркально двинулось. В этот миг двемер начал вращать кувалда, вычерчивая в воздухе рунические линии.

Отражение запуталось. Оно пыталось повторить движения двемера, но не могло воспроизвести ту синхронизацию, где две воли сливались в одну. В зеркале оно сбивалось, удары выходили корявыми, линии ломались.

Гул усилился.

– Вперёд! – крикнул двемер.

Вербовщик метнулся вперёд, его клинок прошёл сквозь разорванную руну. В тот же миг кувалда двемера опустился сверху. Удар разнёс отражение Вербовщика в облако сияющих осколков.

Один враг пал.

Оставшиеся пешки зарычали, хотя не имели голосов. Они бросились разом.

Двемер поднял гиперкуб. Артефакт в его руках сиял многомерным светом, будто пытался выбраться за пределы пространства.

– Куб помогает тем, кто мыслит нестандартно! – произнёс он, и под его голосом пол задрожал.

Отражения столкнулись с преградой – временным разрывом, который куб создал между долями секунд. Пешки двигались чуть замедленнее, словно вязли в смоле.

Вербовщик воспользовался этим. Он прыгнул, сделав вид, что атакует справа. Отражение шагнуло навстречу. Но в последнюю секунду Вербовщик изменил траекторию, упав на левое колено и ударив снизу. Пешка не успела отразить ход – её движение всё ещё задерживала вязь куба.

Второе отражение рассыпалось, как стекло.

Оставались двое. Двойник двемера и ещё одна копия из их клана. Но куб начал гудеть всё сильнее, словно не выдерживал напряжения.

– Осторожно, – сказал двемер. – Куб испытывает нас. Если мы победим слишком прямолинейно, он создаст новых пешек.

Вербовщик вытер кровь с губ – отражение оставило царапину на его щеке.

– Тогда сделаем иначе, – сказал он. – Мы не уничтожим

их. Мы лишим их смысла существования.

Он шагнул к отражению и... протянул руку. Пешка в точности повторила жест. Их ладони соприкоснулись через сияющую преграду.

И в этот миг Вербовщик перестал думать о бое. Он позволил себе лишь одну мысль: «Ты – не враг. Ты – я».

Отражение дрогнуло. Его глаза перестали светиться, линии лица смягчились. Оно рассыпалось в пыль, но не как побеждённое – а как освобождённое.

Гул куба стих.

Последнее отражение двумера, лишившись поддержки, замерло. Оно растаяло в воздухе.

Зал снова наполнился тишиной. Только гиперкуб мерцал мягким светом, словно одобрял сделанный выбор.

– Значит, тактика... – пробормотал Вербовщик. – Это не только битва. Это умение видеть врага как часть себя.

Двимер поднял куб.

– И всё же, – сказал он. – Если отражение – это мы, то, победив его, мы изменили себя. Гильдия Тактиков только зарождается. А испытания ещё впереди.

Вербовщик кивнул.

– Пусть так. Но теперь у нас есть оружие, которое сильнее клинков и магии. Мы знаем, что отражение всегда можно обмануть – если мыслить шире.

Они вышли из зала, оставляя за собой трещины на полу и тихий звон куба.

И где-то, в глубине гиперкуба, новые измерения уже начинали складываться в узор будущих сражений.

Глава 2. Ансамбль «Ревень»

После схватки с пешками отражений зал Совета Тактиков ещё долго дрожал от эха гиперкуба. Но испытание лишь открыло дверь – впереди ждали новые союзники, новые враги и та сила, что могла превратить саму гармонию мира в клинок.

Вербовщик и Двемер направились в нижние кварталы. Там, под сводами старого амфитеатра, собирались музыканты. Их называли Ансамблем «Ревень» – странная компания бардов, магов-акустов и алхимиков, которые умели сплести звук в ткань магии.

Слухи о них ходили противоречивые. Одни утверждали, что «Ревень» способен с помощью одной мелодии усыпить целый полк. Другие – что их музыка разрушает стены крепостей, как если бы внутри камня пробуждалась вибрация.

Вербовщик не скрывал сомнений:

– Никогда не слышал музыкантов, – сказал он, поправляя плащ. – Слишком легко они прячут кинжал за песней.

Амфитеатр встретил их тьмой и тишиной. Но когда шаги гостей разнеслись под сводами, из тьмы возник свет – не факелов, а струн, которые сами собой засветились мягким зелёным сиянием.

На сцене сидели семеро. У каждого – свой инструмент:

от обычной гитара до странных металлических труб с отверстиями, которые дышали, будто живые. Один держал барабан, кожа которого мерцала рунами.

Их предводитель, высокий мужчина с белыми волосами, поднял взгляд.

– Добро пожаловать в «Ревень». – Его голос звучал, будто аккорд. – Мы знаем, зачем вы пришли.

Вербовщик нахмурился.

– Ещё ничего не сказано.

– Сказано было в самом воздухе, когда вы вошли, – ответил музыкант. – Ваши шаги имеют ритм. Ритм – это начало музыки. А музыка всегда говорит больше, чем слова.

Двемер шагнул вперёд.

– Нам нужно оружие, которое не отражают зеркала. Пешки показали, что любой прямой удар предсказуем. Но если мелодия может исказить предсказание... она станет нашей силой.

Лидер ансамбля кивнул.

– Мы можем дать вам это. Но сначала – вы должны услышать, как музыка убивает.

Они взяли инструменты. Гитарист провёл пальцами по струнам – и воздух зашевелился, точно лёгкий ветерок пробежал по коже.

Барабанщик ударил в барабан, и пол дрогнул. Каждая трещина в камне будто отозвалась на этот ритм.

Трубач вдохнул – и зал наполнился звуком, который не

был похож на обычный. Он был не слышимым, а осязаемым – словно внутри черепа возникал давящий гул.

Вербовщик зажал виски.

– Они... ломают пространство звуком.

Двимер наблюдал пристально. Его глаза горели, как всегда, когда он видел механизм мира.

– Они заставляют вибрировать сами основы материи, – прошептал он. – Камень, плоть, даже мысль... всё подчинено ритму.

И действительно: когда ансамбль усилил мелодию, стены амфитеатра начали трескаться, с потолка посыпалась пыль. На каменных плитах пола проступили линии, словно в такт музыке сами руны оживали.

Внезапно напротив них возникли новые фигуры – пешки отражений, оставшиеся после гиперкуба. Они материализовались вновь, словно вызванные музыкой.

Лидер ансамбля усмехнулся:

– Наблюдайте.

Гитарист сыграл резкий аккорд. Пешки дрогнули, их движения сбились. Барабанщик добавил ритм, и отражения начали двигаться в такт музыке, словно марионетки. Трубочник усилил звук – и зеркальные воины разлетелись осколками, как битое стекло.

Тишина наступила внезапно.

– Вот, – сказал музыкант. – Музыка как оружие. Она не просто разрушает. Она подчиняет врага ритму. Если вы вла-

деете музыкой, вы владеете дыханием битвы.

– Мы должны научиться, – сказал Двемер. – Но не как ученики. Как тактики.

Лидер «Ревеня» кивнул.

– Тогда испытание для вас: сыграйте, но не инструментами, а самим собой. Каждый шаг, каждое слово – это часть ритма. Битва – это тоже музыка.

Вербовщик нахмурился, но подчинился. Он сделал шаг вперёд. Его каблук стукнул по плите. Двемер поймал ритм и ударил кувалдаом о землю.

Гул прошёл по залу. Музыканты улыбнулись.

– Уже начало, – сказал лидер. – Теперь – добавьте дыхание.

Вербовщик выдохнул резко, словно удар. Двемер – медленно. Зал загудел.

И вдруг из тьмы снова вышли пешки отражений. Но теперь они двигались не сами, а в такт ритму.

– Управляйте ими, – сказал лидер. – Если сможете заставить врага танцевать по вашей музыке – считайте вы владеете ей как оружием.

Вербовщик сделал резкий шаг – и его отражение двинулось точно так же. Но Двемер тут же изменил ритм, ударив кувалдаом дважды. Отражение сбилось, зашаталось.

– Они не понимают, куда смотреть, – сказал Вербовщик. – Музыка ломает их предсказания.

Вместе они продолжили: шаги, удары, дыхание складыва-

лись в бит. Пешки кружились, запутывались в движениях, пока не потеряли всякую форму и не растворились в воздухе.

После испытания ансамбль встал.

– Вы доказали, что способны слышать, – сказал лидер. – Поэтому мы дадим вам то, чего не получал никто.

Он вынес странный инструмент – гибрид гитары и арфы, инкрустированный двумерскими рунами.

– Каждая её струна связана с одной из линий вероятности. Сыграешь аккорд – и мир на миг изменит своё течение.

Двемер принял дар с холодным почтением.

– Тактика станет музыкой, а музыка – тактикой, – произнёс он.

Вербовщик взглянул на инструмент с недоверием, но промолчал.

Когда они покидали амфитеатр, Двемер заметил: стены вокруг всё ещё дрожат от эха.

– Музыка – оружие, – сказал он. – Но любое оружие имеет цену.

Вербовщик сжал кулаки.

– Я не доверяю им. Их ритм слишком близок к безумию.

И словно в ответ на его слова, из глубины улиц донёсся странный звук: будто кто-то подхватил музыку «Ревеня» и искажил её в зловещий марш.

Двемер и Вербовщик переглянулись.

– Значит, у нас появился враг, который тоже слышит музыку, – сказал Двемер. – Но если мы научились владеть ею

как оружием, мы найдём способ обратить даже его мелодию в свою тактику.

Они ушли в ночь, неся с собой первый аккорд новой силы.

И музыка ещё долго витала над амфитеатром – как обещание грядущих войн.

После испытания гиперкуба, после первой схватки с пешками отражений, тактика перестала быть лишь холодной наукой для Вербовщика и Двемера. Теперь они знали: сила может скрываться в том, что невозможно измерить клинком или заклятием.

Именно поэтому дорога привела их в Концертный зал Ансамбля «Ревень».

Этот зал был построен ещё во времена рунических войн. Старые хроники говорили, что он служил не для развлечения, а для магических волшебств, где музыка замещала заклинания, а ритм подменял жезлы.

Снаружи здание напоминало огромные колебания – стены из двумерского металла, выгнутые полукругами, колонны с прорезями, будто трубы. Даже воздух вокруг вибрировал, словно здесь всегда играла невидимая мелодия.

Вербовщик сжал плечи.

– Мне не по себе, – произнёс он. – Звучит так, будто стены подслушивают наши мысли.

– Они не подслушивают. Они настраиваются. Этот зал – инструмент. И мы войдём внутрь.

Внутри их встретила тишина. Но стоило шагнуть по мо-

заичному полу, как каждый их шаг отзывался звоном, переходящим в аккорды. Зал сам превращал движение в музыку.

На сцене уже сидел ансамбль – семеро музыкантов «Ревеня». Их инструменты казались частью зала: гитара из чёрного дерева, флейты из кости, барабаны с живыми мембранами, которые излучали биение, как сердце.

Предводитель ансамбля, черноволосый мужчина с глазами, в которых будто отражались струны, поднял руку.

– Сегодня вы услышите древние песни. Те, что были спеты до первых войн, до того, как клинки узнали вкус крови. Они хранили мир, но когда мир рухнул – стали оружием.

Музыканты заиграли.

Сначала это была простая мелодия: мягкие ноты. Но каждая волна звука накатывала на зал, и Вербовщик вдруг ощутил, как его мышцы наполняются силой. Сердце билось в ритме барабана. Он сжал кулак – и почувствовал, что мог бы разорвать цепи, если бы они были на его руках.

– Они усиливают тело, – пробормотал он.

– Слушай дальше, – тихо ответил Двемер.

Флейта вступила в мелодию, и в голове Вербовщика вспыхнули образы. Древние поля, покрытые золотыми травами. Воины, сражающиеся не клинками, а песнями. Каждая строфа – заклинание. Каждая нота – приказ стихий.

Но музыка не только показывала – она вела.

Вербовщик ощутил, что его движения начинают подчиняться ритму. Он встал, сделал шаг, и шаг лёг в такт бараба-

ну. Он поднял меч – и движение оказалось в унисон со струнами гитары.

Зал превратился в поле боя, где всё подчинялось гармонии.

– Это и есть магия ритма, – сказал лидер ансамбля. Его голос звучал как ещё один инструмент. – Когда ты перестаёшь быть отдельным и становишься частью песни.

Музыка становилась громче, мощнее. Стены зала дрожали, колонны пели, словно огромные трубы. С потолка спускались нити света, которые образовывали руны в воздухе.

Вербовщик и Двемер оказались в центре – словно сама музыка выбрала их участниками волшебства.

– Мы должны сыграть, – сказал Двемер. – Иначе ритм нас поглотит.

Вербовщик нахмурился:

– Я не музыкант.

– Ты тактик, – ответил Двемер. – Каждое движение в бою – часть мелодии. Просто используй меч как инструмент.

Музыка «Ревеня» сменилась – теперь это был древний боевой марш. Вибрация подняла с пола пешек отражений, вызванных из самой ткани гиперкуба. Но на этот раз они двигались не свободно. Их шаги были связаны ритмом песни.

– Управляй ими, – произнёс лидер ансамбля. – Если сумеешь навязать им такт – ты оскоишь первую силу музыки.

Вербовщик поднял клинок. Он сделал удар – не чтобы ранить, а чтобы задать ритм. Пешка повторила его движение.

Другая тоже. И вдруг все отражения начали двигаться, как войско, синхронно под звуки концерта.

Двемер достал кувалда и ударил по полу. Гул в такт барабану заставил отражения замереть.

– Видишь? – сказал он. – Музыка – это поле боя. И в этом поле мы можем быть дирижёрами.

Музыканты усилили мелодию. На этот раз она стала резкой, тревожной. Из теней зала вырвались новые сущности – тени древних врагов, созданные самим залом. Они были не пешками, а чем-то иным: изломанные силуэты, безликие, но наполненные силой.

– Это проверка, – сказал лидер. – Не всякая песня подчиняет. Древние песни могут оживить врага. Но если вы научитесь управлять – вы превратите его в оружие.

Вербовщик и Двемер переглянулись.

– Значит, снова тактика, – сказал Вербовщик. – Но тактика в ритме.

Тени бросились вперёд. Их движения были хаотичными, и музыка пыталась их связать, но они сопротивлялись.

Двемер поднял кувалда, ударил в такт барабану. Вербовщик сделал выпад под ритм струн. Вместе они создали новый аккорд – не совпадающий с музыкой ансамбля, а пересекающий её.

И в этот момент тени остановились.

Музыка зала слилась с их действиями. Песня изменила тональность, словно признавая их новыми участниками. И

тени, ещё секунду назад враги, стали кланяться – как воины, подчинившиеся дирижёру.

Музыка достигла кульминации. Руны в воздухе вспыхнули, образовав сферу. Внутри неё Вербовщик и Двемер чувствовали себя частью самой музыки.

Вербовщик впервые улыбнулся.

– Теперь я понимаю... Битва – это тоже концерт. Полководец дирижирует, воины – инструменты, а результат – симфония победы.

Двемер же смотрел на зал иначе. Его глаза блестели жадным холодом.

– Нет, – сказал он. – Это больше. Музыка меняет саму реальность. Она заставляет пространство дрожать, как струну. Если найти правильный аккорд, можно сломать мир.

Лидер ансамбля поднял руки.

– Вы слышали древние песни. Теперь они внутри вас. Но помните: музыка не прощает фальши. Кто играет не в такт – погибает.

Музыка оборвалась так же внезапно, как и началась. Тишина оглушила.

Зал снова стал обычным, хотя стены всё ещё дрожали от эха. Пешки и тени исчезли, растворившись в световых рунах.

– Вы прошли первый урок. Теперь тактика и музыка едины для вас. Но путь только начинается. Есть песни, которые пробуждают звёзды. И есть такие, что рушат города.

Вербовщик сжал рукоять меча.

– Тогда нам нужно научиться всем.

Двемер посмотрел на струны, ещё мерцающие в воздухе.

– Да. Потому что теперь я уверен: настоящая битва будет не клинками. Она будет песнями.

Когда над старым кварталом зазвучали первые аккорды – репетиция ансамбля «Ревень» шла полным ходом. В центре квартала возвышался театр с резными колоннами и штукатуркой, будто сам дух времени укутал его в завесу пыли и легенд. Здесь, среди полумрака, витала музыка, такая древняя, что стены дрожали, словно вспоминали былые битвы и тайные собрания магов.

Ансамбль «Ревень» был известен тем, что их игра не просто трогала сердца – она вызывала у слушателей видения, заставляла тени на стенах оживать и складываться в картины давно прошедших событий. Каждый их концерт становился не спектаклем, а магическим обрядом.

Сегодня они репетировали без зрителей, готовясь к особому вечеру. На сцене стояли четверо: скрипачка Эллия, чей смычок оставлял в воздухе сияющие линии; барабанщик Тарн, гул его ударов отзывался в сердцах каждого; флейтист Арнис, способный вывести из одной ноты целую бурю; и певица Нирья, чьё дыхание могло переломить тишину в слёзы или в смех.

– Держим ритм! – тихо произнесла Нирья, не столько руководя, сколько уговаривая своих спутников. – Сегодня... он должен прийти.

Её слова утонули в звуках – но все они знали, о ком речь. Уже несколько недель ансамбль чувствовал невидимое присутствие. На их выступлениях происходили странности: то смычок Эллии сам менял мелодию, то барабан Тарна начал звучать глубже, чем положено, будто в нём билось сердце другого существа. А иногда в паузах между песнями в зале слышался мягкий, еле заметный шорох, напоминающий звук шагов.

Сегодня же, в пустом театре, присутствие стало ощутимее.

Огни в зале загорелись неожиданно, словно кто-то невидимый взмахнул рукой. Тяжёлые бархатные шторы сами собой распахнулись, открывая сцену перед пустыми рядами кресел. В воздухе пахло железом и холодом пещер.

В центре зала, прямо в проходе между креслами, возник силуэт. Высокий, угловатый, в плаще, переливающимся металлическим блеском. Его лицо скрывала маска, выгравированная из того самого двумерского сплава, о котором легенды говорили как о «металле памяти».

– Вы... и есть «Ревень», – произнёс он голосом, словно звучавшим издалека, из глубин самого театра.

Музыканты замерли. Смычок застыл в руках Эллии, дыхание Ниры оборвалось, а Арнис едва не выронил флейту. Только Тарн позволил себе нервный смешок:

– А ты кто?

Незнакомец сделал шаг, и звук его шагов был громче лю-

бого аккорда.

– Я дирижёр. Но не тот, кого вы привыкли видеть. Я – из тех, кто когда-то управлял не оркестрами, а судьбами. Я пришёл не за музыкой, а за силой, что заключена в ваших песнях.

Эллия сжала скрипку так, словно та была её мечом.

– Двемер... – шепнула она.

Имя само слетело с её уст, будто она знала это ещё до того, как увидела его.

Зал задрожал. Лампы над рядами загорелись сильнее, и воздух над сценой завибрировал. Незнакомец поднял руку, и на его ладони блеснула странная палочка – не дирижёрская трость, а что-то вроде двумерского артефакта, покрытого рунами.

– Музыка – это оружие, – произнёс он. – Но оружие без направляющей руки бессильно. Я пришёл направить вас.

– И почему мы должны подчиниться? – резко бросил Арнис, прижимая флейту к губам. – Мы сами выбираем, кому служит наша музыка!

В ответ незнакомец взмахнул рукой. Стены театра ожили: из трещин выползли тени, сотканые из эха. Они приняли форму фигур с расплывчатыми лицами – отражений, которые раньше лишь мелькали в воображении слушателей. Теперь же они были реальны.

– Видите? – сказал Двемер. – Ваши песни сами зовут силу. Но без меня вы не удержите её.

Фигуры шагнули вперёд. Их движения были резкими, будто скопированными из чужих воспоминаний.

Эллия не выдержала. Провела смычком по струнам, и зал вспыхнул золотыми линиями. Музыкальная волна отбросила несколько теней, растворив их.

Тарн ударил по барабану, и дрожь прошла по полу, разметая силуэты.

Нирья запела, её голос поднялся над хаосом, и тени заколебались, будто сама реальность не позволяла им существовать.

Но их становилось больше.

– Хватит! – выкрикнула Эллия. – Что тебе нужно от нас?

Незнакомец шагнул вперёд, теперь он стоял у самой сцены. Его глаза за маской сверкнули медным светом.

– Я – дирижёр древнего хора. Я был свидетелем, как музыка ломала горы и закрывала врата миров. Я знаю, что ваши песни не случайны. В вас течёт та же сила, что когда-то принадлежала моему народу. Я пришёл... предложить союз.

Его голос эхом разнёсся по театру, и тени растворились, будто никогда не существовали.

Молчание было долгим. Музыканты переглядывались.

– Союз? – осторожно повторила Нирья. – Но зачем?

– Потому что вас ждёт битва, – спокойно сказал Двемер. – Сила, что проснулась в мире, уже ищет сосуды. Ваш ансамбль станет одним из них. Если вы будете со мной – музыка станет вашим щитом и мечом. Если отвергнете... – он

развёл руками. – Вас поглотит то, что вы сами пробудили.
Тарн тяжело выдохнул.

– И что, ты собираешься дирижировать нами, как своими марионетками?

– Нет, – сказал он. – Я дам вам ритм, но выбор – за вами.
Его слова прозвучали искренне, но в глубине голоса всё равно чувствовалась сила – та, что не терпит отказа.

Ансамбль «Ревень» ещё долго стоял в тишине сцены. Каждый из них понимал: решение изменит их судьбу. Музыка больше не будет лишь песней. Она станет оружием, и их театр превратится в поле битвы.

И всё же в этом присутствии, в таинственном дирижёре, был зов – древний и властный.

Эллия первой подняла смычок.

– Мы сыграем, – сказала она. – Но только по своим правилам.

Двемер слегка наклонил голову, и на миг показалось, что металлическая маска улыбнулась.

– Тогда начнём.

Он поднял артефакт, и воздух над сценой разрезал первый взмах – словно над ними раскрывалось небо.

И оркестр из четырёх и одного дирижёра зазвучал так, что стены театра застонали, а за ними – весь город.

Музыка древних и магия двумеров соединились в первый раз.

И это было только начало.

Глава 3. Самон

Ночь окутала город холодным мраком, но над крышей старого театра сиял серебристый круг луны. Едва стихли последние аккорды ансамбля «Ревень», когда Двемер, молчаливо подняв руку, велел музыкантам остановиться. Его глаза за медной маской сверкали, как угли в кузнице. Он будто слышал зов, который остался недоступен остальным.

– Пришло время, – произнёс он, и его голос, глухой и металлический, прозвучал громче шороха ветра. – Музыка открыла путь, но для следующего шага нужна кровь памяти. Призыв. Самон.

Слово «Самон» прозвучало в театре так, словно оно было не произнесено, а вырезано в самом воздухе.

Нирья дрожащим голосом спросила:

– Самон... кого?

– Зверя, – ответил он. – Того, кто был стёрт из летописей. Того, кто однажды нес за спиной воинов и мудрецов в небеса, пока не был закован в забвение.

Он шагнул на середину сцены, где лежал тактический куб, оставшийся после предыдущего волшебства. Теперь куб переливался гранями, будто вбирая в себя свет луны.

Музыканты переглянулись. Эллия сжала скрипку, Арнис обхватил флейту, Тарн нервно тронул пальцами барабан.

Никто не понимал, что собирается сделать Двемер, но ни у кого не хватило духа остановить его.

Сначала он начертил в воздухе круг. Но это был не обычный магический символ: линии словно вырывались из его ладоней, складывались в золотые узоры, напоминавшие зубчатые механизмы. Театр наполнился тихим гулом – эхом древних шестерёнок, которые не существовали в этом мире.

– Вы должны помочь, – сказал он музыкантам. – Ваши инструменты – это ключи. Без них врата не откроются.

Эллия кивнула и провела смычком. Звуки её скрипки заструились тонкой нитью, сплетаясь с золотыми линиями круга.

Тарн ударил по барабану, и в центре сцены прокатился гул, словно сердце пробудилось под землёй.

Флейта Арниса добавила серебряный шёпот ветра.

Нирья запела – её голос был чист, как поток воды, и он сразу вплёлся в волшебство, усилив сияние.

Куб задрожал. Его грани начали двигаться, складываясь в формы, которые не могла вместить человеческая геометрия. Внезапно из него вырвался луч света и ударил в потолок театра, пробив каменную кладку. Над зданием раскрылось чёрное небо, и луна заслонила сияющим кругом – порталом.

Двемер поднял обе руки и произнёс слова на языке, который звучал, словно металл поёт, когда его куют:

– Anukar, Semios, Pegasan!

Ветер ворвался в театр, сорвал со сцены ноты, перевернул кресла. Музыкантов едва не сбило с ног.

И тогда они услышали: громкий, тяжёлый, ритмичный стук. Он приближался из портала.

Сначала показались крылья – огромные, серебряные, покрытые перьями, на концах которых сверкали искры. Потом силуэт – величественный, почти ослепительный.

Из света вырвался зверь.

Пегас.

Его тело было сложено из сияющей плоти и металлических прожилок, будто само время сросло кость и сталь. Его глаза светились зелёным огнём, а грива напоминала струи тумана, рассыпающиеся под ветром.

Он взмахнул крыльями, и театр содрогнулся. Несколько люстр рухнули, кресла покатались, но никто не мог отвести взгляда.

Эллия прижала скрипку к груди и прошептала:

– Это... невозможно. Они – сказка.

– Нет, – сказал Двемер. – Это память. Забытая. Но я умею возвращать забытое.

Пегас опустился на сцену, и доски под его копытами вспыхнули символами.

Музыканты замерли, не решаясь приблизиться. Только Двемер шагнул к зверю. Его рука коснулась сияющей шеи. На миг свет вокруг него стал ярче, и маска засветилась так,

будто она и сама была частью волшебства.

– Ты вернулся, – произнёс он тихо. – Служи не мне, а природе. Неси их туда, где они должны быть.

Пегас вскинул голову и заржал – звук был подобен раскату грома. Из его пасти вырвалась волна ветра, и все свечи в театре погасли.

– Ты... – выдохнула Нирья. – Ты хочешь, чтобы мы полетели на нём?

Двимер обернулся. Его взгляд был тяжёлым.

– Вы думаете, что мир ограничен городами и долинами? Нет. Мир состоит из слоёв. Существуют измерения, что не видны глазу, но слышны в музыке. Пегас – проводник. Только на его спине вы сможете пересечь границу и увидеть источник силы.

Музыканты молчали. Их сердца колотились от страха и восторга.

Арнис наконец выдавил:

– А если он не примет нас?

Двимер положил ладонь на куб, который теперь сиял спокойным светом.

– Он уже принял. Ваши песни пробудили его.

Пегас склонил голову к Элли. Она робко протянула руку, и её пальцы коснулись холодного, но мягкого пера. В этот миг перед её глазами промелькнули картины: войны древно-

сти, войска, летящие по небу, маги, бросающие заклинания с высоты облаков, и... падение. Оковы, цепи, тьма.

Она отдернула руку, задышавшись.

– Он помнит... всё, – прошептала она.

– И вы тоже должны помнить, – сказал Двемер. – Музыка пробуждает память. Но память – это сила, и она опасна.

Пегас снова заржал, и в его крике слышалась тоска. Он шагнул вперёд, раскрыв крылья так, что они почти достали стены театра.

Нирья взяла Эллию за руку.

– Если мы сядем на него... назад пути не будет.

– Его уже нет, – сухо ответил Двемер. – С тех пор, как вы согласились играть со мной.

Они поднялись. Один за другим. Эллия – первая, её сердце билось в такт стуку копыт. За ней Тарн, сжимая барабан как щит. Арнис с флейтой, Нирья с голосом, который дрожал.

Двемер встал последним. Он коснулся гривы зверя, и та вспыхнула зелёным светом.

– В путь, – сказал он.

Крылья Пегаса взметнулись. Театр рухнул – стены не держали магического порыва. Обломки посыпались вниз, но зверь взмыл выше, в ночное небо.

Город под ними выглядел, как крошечный макет, освещённый огнями. А над ними раскрывался портал, где сереб-

ристый свет переплетался с мраком.

Они пронеслись сквозь него. Музыка, которую они играли, теперь звучала сама собой – скрипка, барабан, флейта, голос, словно инструментами играло само небо.

И мир вокруг изменился.

Небо стало бесконечным. Внизу раскинулись поля света и тени, будто сама земля была сплетена из музыки. Вдалеке поднимались башни, созданные из кристаллов и шестерёнок, похожие на гигантские статуи. Ветер пел на тысячи голосов.

– Это... другое измерение, – сказал Арнис, поражённый.

– Это – Источник, – ответил Двемер. – И только Пегас знает путь к его сердцу.

Они летели, и каждый чувствовал: их песни стали сильнее. Скрипка Элли звучала без её рук, барабан Тарна бился, как сердце мира, флейта Арниса отзывалась эхом на свист ветра, голос Ниры звучал, как сама ткань этого неба.

А впереди Пегас нёс их к свету, который был ярче солнца.

Полночь укутала театр, но в его подземельях царил другой ритм – тяжёлый, хриплый, словно сама земля дышала сквозь трубы и механизмы. Двемер повёл ансамбль по узкому коридору вниз, к залу, где стены светились красными рунами. Здесь начинались алхимические глубины, куда редко проникал взгляд.

Воздух был густым, наполненным запахом масла, крови и серы. На полу в круге лежали алхимические цепи – звенья из чёрного металла, каждое звено гравировано древни-

ми символами. Они мерцали, будто живые, то сжимаясь, то расслабляясь, словно дышали.

На каменном столе, освещённом зелёным пламенем, лежала небольшая ящерица. Она была обыкновенной, из тех, что прячутся в трещинах старых стен. Но рядом, на другом алтаре, покоились иссохшие крылья птеродактиля – древний трофей, найденный Двемером в забытых катакомбах.

– Вот она, – сказал он, и в его голосе слышалось нечто священное. – Искра новой природы.

Музыканты переглянулись. Эллия побледнела:

– Ты... хочешь их соединить?

Двемер кивнул.

– Жизнь – это нить. Алхимия – это игла. Если нить разорвана, её можно переплести иначе. Но для этого нужна кровь.

Он достал из-под плаща кинжал. Клинок был тонким, из того же металла, что его маска. На нём играли символы, словно капли ртути.

Тарн шагнул назад, будто от запаха крови его охватила дрожь.

– Ты собираешься убить её? – спросил он.

– Нет, – ответил Двемер. – Я собираюсь возродить.

Он провёл лезвием по ладони. Капли густой, тёмной кро-

ви упали на цепи. Звенья вспыхнули, и руны на них засветились алым светом. Зал завибрировал, воздух стал вязким, а ящерица на столе зашевелилась.

– Ваши песни пробудили Пегаса, – произнёс он, – но теперь вы должны увидеть другое чудо: алхимию.

Он поднял крылья птеродактиля и положил их рядом с ящерицей.

Затем развернул руки, и цепи сами собой обвили оба тела, словно змеи. Звенья начали затягиваться, соединяя крылья с телом. Крики эхом разнеслись по залу – но кричала не ящерица и не птица, а сама материя, которую разрывали и переплетали.

Нирья не выдержала:

– Это жестоко!

– Это неизбежно, – отрезал Двемер.

Процесс длился мучительно долго. Алхимические цепи то раскалялись добела, то становились чёрными, а кровь Двемера лилась всё дальше, питая волшебство. Наконец, когда символы на полу вспыхнули как солнце, цепи разом раскryлись.

На камне лежало новое существо.

Ящерица... но с крыльями. Они были огромными, как паруса, с кожей, натянутой на костяные прожилки. Крылья дрожали, будто в них текла сама энергия земли. Глаза зверя засветились янтарём, а тело выгнулось в судороге.

Он зашипел, издав странный звук, похожий на смесь рыка и скрежета металла.

– Оно... живое, – прошептал Арнис.

– Живее, чем мы, – сказал Двемер. – Оно не помнит смерти. Оно знает только возрождение.

Он протянул руку к зверю, и тот, колеблясь, но повинувшись, поднялся на лапы. Крылья расправились, отбрасывая тени на стены, и существо взмыло в воздух, едва не разбив потолок подземелья.

Музыканты в ужасе отшатнулись. Эллия схватила смычок, словно готова была ударить им как оружием.

– Ты создал монстра! – закричала она.

– Я создал символ, – ответил он спокойно. – Вы называете это монстром, потому что не понимаете. Но это – начало.

Существо кружило под сводом зала, его крылья задевая факелы. Ветер от взмахов гасил огонь. Оно было неуклюжее, как адепт, но в каждом движении ощущалась скрытая сила.

Тарн прижал барабан к груди, в глазах его смешались ужас и восторг.

– А если оно вырвется?

– Оно не вырвется, – сказал Двемер и поднял руку. Алхимические цепи, лежавшие на полу, снова ожили и взмыли вверх, охватив зверя невидимым ошейником. – Оно связано со мной.

Существо послушно опустилось на камень, свернув кры-

ля.

Нирья смотрела на него, не отводя взгляда. В её сердце боролись страх и жалость.

– Но почему именно так? Почему из всех возможных форм ты выбрал соединить ящерицу и крылья?

Двемер подошёл ближе, его маска сверкнула в пламени.

– Потому что маленькое и ничтожное может стать величественным. Ящерица – это тень, крылья – это свет. Соедини их, и получишь дракона.

Эти слова врезались в память каждому.

Зверь снова пошевелился, и в его глазах появилось что-то человеческое – искра осознания.

Эллия невольно прижала руку к груди.

– Оно... чувствует.

– Конечно, – ответил Двемер. – Оно – дитя алхимии. А алхимия – это не просто наука. Это путь к новой жизни.

Он провёл ладонью по цепям, и те растаяли, исчезнув в воздухе.

Теперь существо стояло свободным.

Внезапно оно подняло голову и издало крик – длинный, рвущийся. Это был не обычный звериный звук, а зов, от которого волосы вставали дыбом. Казалось, он отзывался в самых глубинах мира.

И стены дрогнули.

Из трещин в потолке посыпался песок, а руны на стенах вспыхнули сильнее.

– Он открыл путь, – прошептал Двемер, и в его голосе прозвучало удовлетворение. – Врата к тем, кого мы давно забыли.

Музыканты остолбенели. Они чувствовали: то, что произошло, уже невозможно остановить.

Существо расправило крылья и снова взмыло вверх. Теперь оно было сильнее, чем минуту назад. Его движения стали уверенными, глаза сверкали разумом. Оно кружило над сценой, словно искало место, куда полететь.

Арнис дрожащим голосом сказал:

– А если таких будет больше?

Двемер посмотрел на него.

– Тогда мир изменится.

Огромная тень крыла скользнула по лицу Элли. Она смотрела на зверя и понимала: их жизнь уже не будет прежней.

Они пришли в театр музыкантами, но теперь стали свидетелями чуда – и ужаса.

А Двемер, подняв руку, потянулся за манускриптом на полке, и сказал тихо, но так, что слова прозвучали громом:

– Самон – это только начало.

После ночи, полной алхимических опытов и пробуждения Пегаса, театр опустел, оставив после себя запах меди и крови, отблески рунических символов и тихий, почти незаметный гул. Но в глубине подземелий ещё не стихала сила. Она витала в воздухе, словно задержавшийся призрак – чуждый дух, который Двемер давно искал.

– Он здесь, – сказал Двемер, и его голос эхом отразился от каменных стен. – Чуждый, но внимательный. Он ждет.

Ансамбль «Ревень» стоял рядом, всё ещё потрясённый событиями последних часов. Эллия сжала смычок, её глаза блестели от смеси страха и любопытства. Арнис обхватил флейту, будто она могла защитить его от того, что вот-вот произойдёт. Тарн, сжав барабан, наблюдал за Двемером, пытаясь понять, где кончается мастерство музыки и начинается магия, которой он никогда не учился.

Нирья же, несмотря на всю тревогу, казалась спокойной. Её голос дрожал, но в нём ощущалась готовность. Она знала: то, что произойдет, изменит их навсегда.

Двемер поднял руки, и вокруг его ладоней закружились нити света. Каждая нить была тонкой, как паутина, но при этом излучала силу.

– Чуждый дух, – произнёс он, – не знает мирских законов. Он живёт в разрыве, между измерениями, и не признаёт гармонию. Но его можно направить. Его можно связать.

Он шагнул вперёд, и на полу засияли руны, выкованные когда-то древними двемерами. Они образовали круг, внутри

которого блеснул куб – тот самый гиперкуб, что уже пережил первую схватку с пешками отражений и обуздал измерения.

– Сегодня мы заключим контракт, – сказал Двемер, и его голос был ровным, как лёд. – Но контракт этот не для меня. Он для вас. Вы станете его носителями, и вместе с ним – силой, что лежит за пределами обычной музыки.

Ансамбль молчал, каждый ощущал тяжесть слов. Контракт с чуждым духом – это не просто соглашение. Это обязательство, которое может изменить сознание, тело, и даже душу.

Двемер поднял кинжал из двумерского металла. Он капнул своей кровью на куб, и руны вспыхнули огнём.

– Контракт требует жертвы, – сказал он. – Не вашей жизни, но вашей преданности. Музыка, что вы играете, станет каналом для духа. Вы будете играть, а он будет слышать, чувствовать, двигаться вместе с вами.

Эллия сжала смычок так, что белые пальцы побелели.

– И если мы откажемся? – спросила она.

– Тогда сила уйдёт сама, – ответил Двемер. – Но кто откажется сейчас, когда мир стоит на пороге новой эры?

Тишину разорвал звук флейты Арниса. Он дрожащим голосом провёл ноту – и воздух вокруг зазвенел. Двемер кивнул.

– Прекрасно. Музыка пробуждает внимание духа. Он видит вас, слышит вас, оценивает вас.

Сначала ничего не произошло. Но потом театр задрожал. Свет в лампах потемнел, и стены будто вдохнули воздух. Из самой глубины подземелья раздался шепот, едва слышный, и в нём чувствовалась враждебность – чуждый дух присматривался к новым носителям силы.

– Он сомневается, – сказал Двемер. – Он чужд, и для него музыка – лишь шум.

Эллия, Арнис, Тарн и Нирья выстроились на сцене. Их инструменты зазвучали одновременно, и музыка наполнила пространство. Это была не обычная мелодия: скрипка, флейта, барабан и голос слились в поток силы, который можно было почти потрогать руками.

И тогда из теней поднялся силуэт. Он был прозрачным, но в нём ощущалась мощь. Это был чуждый дух, высокий, с длинными изломанными руками, покрытыми переливчатой чешуёй, с глазами, которые горели холодным светом.

– Я вас вижу, – произнёс он голосом, который звучал сразу в голове и в груди. – И вы слышите меня.

Музыка ансамбля изменилась, словно сама подстраивалась под его ритм. Эллия почувствовала, как смычок стал тяжёлым, но послушным. Она играла, и каждая нота отзывалась в теле чуждого духа.

– Хорошо, – сказал Двемер. – Теперь мы начнем контракт.

Он поднял кинжал снова и провёл им над сценой. Капля крови упала на пол. Руна вспыхнула алым светом и поднялась в воздух, формируя невидимую сеть. Дух поднял руку,

и эти линии соединяли его с музыкантами.

– Контракт – это цепь, – произнёс Двемер. – Она не связывает вас. Она соединяет ваши силы с его. Вы будете играть – и он будет усиливать каждую ноту, каждое дыхание.

Дух наклонился, и музыка вздрогнула вместе с ним. Он провёл руками по струнам Элли, по барабану Тарна, по флейте Арниса и по губам Нирьи. И каждый почувствовал, что его тело вибрирует в унисон с чуждым существом.

– Он чувствует вас, – сказал Двемер тихо. – Он видит вашу преданность. Если кто-то колеблется, контракт не сработает.

Никто не колебался. Страх был, но вместе с ним – решимость.

Звуки усилились, и дух начал менять форму. Изломанные руки расправились, тело вытянулось, а глаза светились золотом. Он становился осязаемым, материальным, но всё ещё чуждым.

– Я принимаю, – произнёс Двемер. – Но вы должны подтвердить.

Музыканты подняли инструменты и сыграли аккорд, который можно было назвать «призывом доверия». Звук рвал пространство, и чуждый дух ощутил поток энергии, который исходил не от него, а от них.

– Хорошо, – сказал он, и его голос изменился: теперь он звучал как хор множества существ. – Контракт заключён.

Руны на полу погасли, свет стал мягким. Дух стоял перед ними, больше не угрожающий, но сильный, готовый следо-

вать за музыкой, направляемой ансамблем.

– Теперь ваша музыка – моя сила, – произнёс он. – И моя сила – ваша музыка.

Двемер кивнул.

– Именно. Помните, что это не указания. Это союз. И союз требует понимания, доверия и гармонии.

Эллия медленно опустила смычок.

– Мы... справимся, – сказала она.

– Мы должны, – добавил Арнис. – С такой силой.

– Контракт начат, – сказал Двемер. – И только от вашей решимости зависит, станет ли эта сила благословением или проклятием.

Тишина заполнила театр, но теперь она была иной – наполненной потенциалом, предчувствием великих сражений и магических чудес.

Пегас, пробужденный в предыдущем волшебстве, тихо стоял в углу, словно понимая, что союз, заключённый здесь, откроет новые пути.

Двемер обернулся к ансамблю:

– Сегодня вы переступили порог. Завтра музыка станет вашим оружием, и чуждый дух – вашим союзником. Но помните: это только начало.

Музыканты понимали: их жизнь, их искусство, их судьба

теперь переплетены с силой, которая не принадлежит ни одному миру.

Глава 4. Атлас гравюры

Театр, где ещё недавно заключался контракт с чуждым духом, теперь стал напоминать лабораторию. На сцене стояли сундуки, наполненные артефактами, свитками, алхимическими сосудами и инструментами. Двемер вёл свою работу, не отвлекаясь на усталость или сон: в его руках вращался квадратный кусок металла – тонкая гравюра, похожая на медальон, но куда больше по размеру.

Ансамбль «Ревень» смотрел на него с тревогой и любопытством. Эллия заметила, что каждый его штрих был слишком точным, слишком древним, словно эти линии не принадлежали человеку, а были отлиты самой геометрией мира.

– Это и есть Атлас, – наконец сказал Двемер. – Древняя карта, которую двемеры создавали не чернилами, а самими измерениями.

Он провёл пальцем по линии, и она вспыхнула светом. Пол театра содрогнулся, и все присутствующие ощутили, что пространство стало... другим. В воздухе появился запах моря, влажный и солёный, словно стены раздвинулись, открыв проход к далёким берегам.

– Карта скрытых земель, – произнёс он торжественно. – Она показывает не то, что находится на поверхности, а то, что скрыто от глаз. Миры внутри мира.

Нирья шагнула вперёд.

– Тысяча островов? Земля титанов? Это легенды. Сказки. Двемер поднял взгляд, и его золотые глаза сверкнули.

– Сказки часто скрывают истину. Атлас не врёт. Он хранит память о том, что было, и о том, что ещё может быть.

Гравюра развернулась сама собой, словно бумага, хотя была сделана из металла. Изображения начали расти, и перед музыкантами возникла трёхмерная карта, наполненная движением. Море с переливающимися волнами, тысячи крошечных островов, каждый из которых излучал биение своей энергией.

– Тысяча островов, – сказал Двемер. – Место, где каждая земля живёт отдельной песней. Одни острова сияют вечным светом, другие покрыты тенями, в которых прячутся существа, не знающие сна. Там можно найти артефакты, которые меняют саму суть человека. Но туда невозможно попасть без этой карты.

Арнис, который всегда был осторожным, нахмурился.

– А Земля титанов?

Двемер провёл ладонью по другой части Атласа. Синие моря исчезли, уступив место горным цепям, возвышающимся выше облаков. Среди них двигались гигантские тени – титаны, чьи шаги оставляли кратеры.

– Земля титанов – место, где обитают первые создания этого мира. Их рост равен башням, их сила сравнима с самой бурей. Они – свидетели древнейших войн, хранители осколков той магии, что разделила континенты.

Тарн едва слышно выругался.

– И ты хочешь, чтобы мы пошли туда?

– Не сразу, – ответил Двемер спокойно. – Атлас не только карта. Это инструмент. Он не просто показывает путь – он создаёт туннель. Но чтобы активировать его полностью, нужна музыка.

Все четверо музыкантов переглянулись.

– Опять мы? – тихо спросила Эллия.

– Опять вы, – подтвердил Двемер. – Контракт с чуждым духом был лишь первым шагом. Теперь вы связаны с пространством так же, как он. Атлас подчинится только тому, кто может соединить ноты с линиями гравюры.

Он коснулся центра карты, и свет рванул вверх, формируя портал. Но портал был неполон: его края искрились, искажались, будто он мог развалиться в любой момент.

– Вот, – сказал Двемер. – Смотрите. Атлас готов, но ему нужна гармония. Ваша музыка должна закрепить его контуры.

Нирья глубоко вдохнула.

– Значит, концерт для самого пространства?

– Именно, – кивнул он. – Музыка станет ключом. Но помните: чем сильнее звук, тем больше карта откроет.

Ансамбль «Ревень» занял свои места. Скрипка Элли первой взяла ноту, флейта Арниса подхватила, барабан Тарна отбил ритм, а голос Ниры разрезал воздух, словно луч света. Портал ожил. Его искры стали медленно сшиваться, превращаясь в устойчивую арку.

Внутри портала показалось море. Множество островов мелькали в глубине, их очертания были зыбкими, как сон, но постепенно становились яснее.

– Это Тысяча островов, – произнёс Двемер. – Вы сделали невозможное.

Но вместе с красотой пришла и угроза. Из портала вырвался вой. Он был высоким, режущим, словно сама реальность протестовала против того, что её раскрыли. В воздухе материализовались тени – существа, похожие на рыб с крыльями и пастями, полными игольчатых зубов. Их было десятки, и они рванулись к сцене.

– Пешки Атласа, – крикнул Двемер. – Карта защищает свои тайны!

Музыканты не остановились. Эллия сменила ритм, её скрипка заиграла быстрее, и один из теневых зверей дрогнул, потерял форму и рассыпался. Арнис вложил дыхание в флейту так сильно, что его звук стал оружием – воздух во круг вибрировал, сбивая врагов. Тарн отбивал ритм, который превращался в ударные волны, сбивавшие тварей с тра-

ектории.

А голос Ниры обрел силу чуждого духа, заключённого в контракте. Она пела, и тени вздрагивали, словно сталкивались с невидимой стеной.

Двемемер тем временем управлял Атласом. Его пальцы летали по линиям, словно по клавишам. Он направлял карту, не позволяя порталу разорвать зал на части.

– Держитесь! – крикнул он. – Карта проверяет вас!

И действительно, тени не были врагами в полном смысле. Они были испытанием. Каждое создание реагировало только на музыку. Слабая нота – и они нападали сильнее. Чистая гармония – и они исчезали, растворяясь в свете Атласа.

Через несколько минут зал стих. Последняя тень растворилась, и портал стабилизировался. Теперь он был чист, словно зеркало, в котором отражалось море Тысячи островов.

Музыканты тяжело дышали. Их руки дрожали, но они не остановились ни на мгновение.

– Вы справились, – сказал Двемемер. – Атлас признал вас.

Он коснулся портала, и тот закрылся, свернувшись в одну светящуюся линию, которая снова легла на карту.

– Теперь у нас есть путь, – продолжил он. – Но выбор за вами. Тысяча островов или Земля титанов. Первая полна сокровищ и опасностей, вторая – хранит силу, которая может изменить весь мир.

Эллия вытерла лоб.

– После сегодняшнего я не знаю, хочу ли я вообще выбирать.

– Но ты выберешь, – сказал Двемер твёрдо. – Потому что от этого зависит не только ваша судьба, но и судьба мира.

Он поднял Атлас, и линии гравюры снова засияли. На миг все ощутили, что стоят на пороге чего-то огромного.

Море и горы, свет и тени, острова и титаны – всё это ждало их впереди.

Цех Двемера был тёмным и высоким, как храм, давно забытый людьми. Стены, увешанные медными и бронзовыми пластинами, отражали холодный свет. Пламя в них не трепетало – оно вытекало ровно, из ламп, питаемых алхимическим горением. Воздух пах железом, известью и чем-то древним – будто сами камни в кладке помнили, как века назад здесь гулко бился металл в руках мастеров.

В центре помещения лежал предмет, найденный Двемером в склепе под руинами северного города. Его называли обелиском – но правильнее было бы сказать, что это была огромная каменная плита, уходящая вглубь, а не ввысь. Высотой в два человеческих роста, срезанная так ровно, будто её касался клинок, не оставляющий опилок, она излучала странный свет.

На поверхности виднелась гравировка. Она не была создана рукой обычного резчика. Линии складывались в узоры, менялись в глазах, словно ускользая от взгляда. Прика-

саясь к ним, Двемер ощущал не просто холод камня, а едва уловимое биение, как сердце под каменной оболочкой.

Он несколько дней провёл в цехе, изучая символы. Сравнивал их с древними руническими каталогами, чертежами забытых мастеров, записями Тактической Гильдии. Но ни одна книга не могла объяснить то, что он видел.

Сегодня он решился на эксперимент.

– Если это – Атлас, – тихо произнёс он, протирая поверхность камня алхимическим раствором, – то гравюра должна ожить.

Он смешал снадобье из меди и капли своей крови – ключ к пробуждению многих реликтов. Капля упала на центр узора. И обелиск откликнулся.

Линии гравировки вспыхнули мягким алым светом. Сначала узоры сложились в символы, напоминавшие звёзды. Потом они начали вращаться, перекраивая поверхность. Камень словно зашевелился.

Двемер отпрянул на шаг, но удержал дыхание. Он видел, как линии вытягиваются в образы: архипелаг, состоящий из бесчисленных островов, каждый остров был точкой, соединённой сияющими линиями. Затем над ними выросли силуэты, гигантские, неподъёмные: тени существ, что были больше гор, с глазами, мерцающими сквозь облака. Земля титанов.

– Тысяча островов... и земля, где ступали те, чьё дыхание рождало ветры, – прошептал он.

Обелиск дрогнул, словно отвечая.

И тут линии начали сходиться в один символ. Древний знак – круг с пересекающими его спиралями. Двемер узнал его. Символ портала. Но портал не обычного, а многомерно-го – ведущего не только в пространство, но и во время.

В этот миг камень ожил. Из гравировки выступили искры света, складываясь в фигуры. Ослепительные нити сплелись в карту, висящую прямо в воздухе. Она дышала, менялась, вращалась вокруг своей оси.

Но вместе с сиянием в воздухе поднялся холод. Дыхание обелиска стало слышимым: низкий гул, словно в глубине камня проснулся зверь. В свете карт Двемер увидел больше, чем рассчитывал.

Тени. Они шевелились в контуре карты. На краю одного острова чернели силуэты, похожие на людей, но с вытянутыми руками и слишком длинными головами. Далеко на юге, у горных массивов, мелькнули очертания – словно горы сами поднимались, распрямлялись, выпрямляли каменные спины.

– Это не просто карта, – сказал Двемер. – Это зеркало земель, которых мы ещё не касались.

Он сделал шаг ближе, протянул руку. Его пальцы коснулись света – и палец исчез в нём, словно в воде. Он ощутил запах соли, шум волн. На миг его тело оказалось на одном из островов: влажный песок, крики невидимых птиц, воздух, наполненный жизнью.

И в тот же миг его толкнула назад волна чужой воли. Он упал на пол цеха. Карта дрогнула и сжалась.

Из сияния выступили глаза.

Огромные, жёлтые, раскалённые. Они не принадлежали человеку. Они не принадлежали и зверю. Это был взгляд, застывший сквозь расстояние и время. Кто-то – или что-то – смотрело на Двемера из глубины карты.

– Ты коснулся их земли, – прошептал голос. Но говорил не камень, не карта – говорил воздух в цехе. – Ты нарушил покой тех, кто спит под гравюрами.

Двимер поднялся, сжал руки, чтобы не дрожали.

– Я не нарушитель. Я исследователь. Я хочу знать.

Голос затих. Но глаза не исчезли.

И тогда из карты выпал осколок света. Он упал к ногам Двемера и превратился в кристалл, чёрный, с прожилками аквамаринового огня.

Двимер осторожно поднял его. В кристалле билось пламя, и вместе с ним – ритм. Словно в руках он держал сердце Атласа.

И только тогда он понял: обелиск не был находкой. Он был вратами.

Ночь в цехе прошла без сна. Двимер сидел у гравюры, изучал кристалл. Каждая черта карты, которую он запомнил, была потенциальным путём. Но у каждой линии был страж. Гравировка ожила, и теперь он был связан с ней.

Он слышал ритм островов, дыхание титанов, видел их сны

в отблесках света. А ещё – понимал, что кто-то теперь наблюдает за ним.

И всё же сердце его наполнялось восторгом. Ведь он держал в руках путь к тайным землям. Землям, что могли дать силы, равные богам.

И он не собирался останавливаться.

Три водопада, шумящие в унисон, сливались в единый поток. Их рев был похож на хор древних титанов, что взывал к слушающему: «Иди дальше, ты близко к тайне». Двимер стоял на выступе, покрытом мхом, и наблюдал за тем, как воды срываются в пропасть, ударяются о каменный карниз и исчезают в тёмной бездне, унося с собой все звуки и надежды.

Там, где три потока сходились в единый бурный поток, у подножия лежал валун. Он был странен: гладкий, будто отшлифованный чьей-то рукою. На его поверхности виднелись линии, напоминавшие древнюю гравюру, но они были смазаны водой и временем. Под валуном, словно укрытое чрево земли, был вход в шахту. Туда вела лестница, высеченная в камне, давно заросшая мхом.

– Кузнеца... – произнёс Двимер, вглядываясь в мрак. – Здесь когда-то стояли наковальни богов.

Он знал: это место было не просто пещерой. Подземелье держало в себе остатки мастерской древней кузнецы, той, чьи изделия считались неуничтожимыми. В легендах говорилось, что её инструменты были выкованы из звёздного железа и обрамлены кристаллами, упавшими с неба.

Но доступ в шахту был закрыт. Каменные плиты срослись так, что никакой клинок их не прорубил бы. И тогда в голове Двемера родился план, который он сам называл – революционным и мультиэпичным.

Он достал из чехла инструмент, о котором другие мастера могли только мечтать: алмазный бур. Его наконечник сиял, словно в нём заперто солнце, а корпус был выгравирован символами, усиливающими скорость вращения. Этот бур был не просто орудием – он был ключом к тому, чтобы вскрыть сердце горы.

– Ты раскроешь её тайну, – прошептал он.

Он поднял бур над входом в шахту, но не стал использовать его обычным способом. Он обронил его.

Казалось бы, нелепое действие. Но Двемер знал: сила не только в ударе, но и в том, куда удар направлен. В момент, когда бур касался камня, он должен был активировать символы на своём теле – алхимические цепи, соединяющие его с буром.

Алмазный бур ударился о плиту у входа. Звук был громче, чем можно было ожидать: он разнёсся по ущелью, заставив три водопада дрогнуть. В воздухе запахло озоном, будто в камне пробудилась гроза.

И тут произошло то, чего не ждал даже он.

Из-под его кареты мелькнула тень. Быстрая, как молния. Тонкая, как шип. Тень скользнула по земле, метнулась к бурному блеску и – бур исчез.

– Что?.. – Двемер резко обернулся.

Карета, стоявшая неподалёку, качнулась, словно что-то проскользнуло мимо её колёс. Тени сгустились, хотя свет падал прямо сверху. На миг показалось, что земля дышит.

Он вытянул руку, активируя гравировку на перчатке. Символы вспыхнули золотым.

– Как? – сказал он в пространство. – Это не возможно.

Ответом было шипение. Из темноты шахты донёсся низкий гул, будто внутри горы переворачивались каменные пласты.

И тогда тень вновь показалась. Она поднялась из-под земли – и обрела форму.

Перед ним стояло существо. Тело его было вытянуто и худо, руки длиннее ног, пальцы заканчивались когтями. Лицо скрывал капюшон тьмы, но из-под него светились глаза, похожие на угли. В руках оно держало бур.

Двемер почувствовал, как сердце его сжалось. Это было не просто создание. Это был страж кузнецы. Хранитель. Тот, кто жил в шахтах, пока люди забывали.

– Ты не должен открывать кузнецу, – произнёс страж. Голос его был гулким, словно говорил сам камень. – Здесь покоится то, что не принадлежит ни людям, ни богам.

Двемер шагнул вперёд.

– Я не вор. Я мгистр. Я пришёл за знанием, а не за разрушением.

– Ты пришёл с буром, – возразил страж. – С орудием, что

ломает то, что скрыто.

Существо подняло бур, и тот завибрировал в его руках, словно узнал нового хозяина. Двемер понял, что каждая секунда промедления грозит катастрофой: если бур подчинится тени, его больше не вернуть.

Он вытянул обе руки, и по коже его побежали линии алхимических цепей. Символы засветились, соединившись в единую сеть.

– Этот бур откликнется только мне, – сказал он.

Существо усмехнулось, и улыбка его была тенью в улыбке. Оно вонзило бур в землю.

Земля вздрогнула. Удар пошёл по кругу, словно волна по воде. Три водопада взревели сильнее, слились воедино так, что пена накрыла подножие. Вход в шахту вспыхнул символами, которых Двемер прежде не видел: знаки кузнецы, гравированные самой природой.

И тут же воздух наполнился криком.

Не человеческим, не звериным – криком железа, что ломалось и пело. Из глубины шахты потянуло жаром, и огненные искры взметнулись ввысь.

Двемер сжал кулак. Символы на его руках вспыхнули, и он произнёс заклинание связывания. Его цепи, невидимые и в то же время прочные, рванулись к бурому свету.

Тень взвыла, бур засиял в её руках. Но на миг, всего на миг, инструмент дрогнул, узнав своего истинного хозяина.

Глава 5. Динамичный Изумруд

Туман над долиной Изумруда был густым и влажным. Он стелился по низинам, скрывая тропы и старые руины. Камни, поросшие мхом, блестели каплями росы, словно сами земля и воздух закалялись в ожидании магии.

Двемер шагал осторожно. Его глаза сканировали горизонт, но не видели ничего, кроме серебристой пелены. В руках он держал свёрнутую карту, на которой не было ничего обычного: линии сыпались в хаотические узоры, меняли направление, а символы, нанесённые на пергамент, слегка светились лазурным светом.

– Динамичный Изумруд... – пробормотал он. – Камень, что меняет заклинания.

Он остановился у скалы, где по слухам лежал артефакт. Слышался странный звон – будто металл стучался о металл, но источника звука не было видно. Двемер спустил руку к поясу, где висел алхимический инструмент. Символы на нём вспыхнули мягким светом.

И тогда из тумана появился путник в капюшоне. Он шел тихо, каждый его шаг казался осознанным. Лицо скрывала тень, а плащ колыхался, будто живой.

– Не ищешь ли ты Изумруд? – прозвучал голос, низкий и хриплый. Он был едва слышен сквозь шум тумана.

Двемер обернулся. Он видел силуэт, но не мог разглядеть детали.

– Кто ты? – спросил он. – И как знаешь, что я ищу?

– Я знаю, кто ищет, – ответил путник. – И я знаю, зачем он ищет.

Двемер сжал зубы. Он не любил посторонних в своих исследованиях. Но что-то в этом голосе заставило его не отступать.

– Динамичный Изумруд не для всех, – сказал он, переступая к скале. – Он изменяет заклинания того, кто пытается его использовать. Неосторожный маг может потерять контроль.

Путник шагнул ближе. Из-под капюшона виднелись глаза – холодные, как лед, но в них горел интерес.

– Я могу помочь, – сказал он. – Но взамен хочу то, что для тебя не имеет значения.

Двемер присмотрелся. Туман словно обвил их двоих, создавая небольшое пространство внутри бескрайней серой пелены. Он видел, что путник не враг, но доверять ему было опасно.

– Изумруд не любит компании, – сказал Двемер. – Его сила нестабильна. Если кто-то посторонний приблизится, заклинания могут выйти из-под контроля.

– Тогда пусть будет так, – ответил путник. – Я не мешаю. Я лишь направляю.

Двемер кивнул и подошёл к валуну, покрытому мхом. Под ним была небольшая ниша. Внутри лежал камень – лазурный, как синий огонь, изнутри он излучал мягкий свет. Изумруд дрожал в тишине долины, словно ощущая присутствие людей.

Двемер взял камень в руку. Сразу почувствовал: это не просто минерал. Он вибрировал силой, способной менять заклинания. Даже простое заклинание огня, произнесённое рядом, должно было выйти иначе.

– Вижу, – сказал путник. – Твоя магия будет меняться с каждым шагом. Сила камня – это сила хаоса и порядка одновременно.

Двемер провёл рукой над камнем, и воздух вокруг засиял. Он произнёс простое заклинание: маленькая вспышка света вспыхнула перед ним. Но вместо привычного жёлто-белого свечения, свет стал зелёным, переливался, растягивался в спирали и изменял форму на глазах.

– Именно так, – сказал путник. – Камень принимает энергию мага и переписывает её.

– И кто сказал, что это безопасно? – спросил Двемер.

– Никто, – ответил путник. – Но это и есть суть Изумруда: либо ты контролируешь его, либо он контролирует тебя.

Двемер встал прямо. Он понимал, что держит не просто инструмент, а испытание.

Путник поднял руку, и воздух вокруг начал дрожать. Он произнёс простое заклинание ветра. Но вместо обычного потока, вихрь закрутился вокруг Изумруда, образуя торнадо, которое вращалось, не причиняя вреда.

Двемер почувствовал, как камень реагирует на чуждую магию. Его энергия переплеталась с магией путника, меняя направление и форму.

– Ты видишь? – спросил путник. – Камень не просто отражает заклинания. Он создаёт новые. Каждый маг, который прикоснется к нему, получит уникальную интерпретацию силы.

Двемер кивнул. Он знал, что теперь его задача – освоить Изумруд, прежде чем кто-то другой попытается использовать его.

Он положил руку на камень, закрыв глаза, и произнёс заклинание огня. Сначала произошёл обычный выброс – маленький шар пламени. Но Изумруд трансформировал его. Пламя стало зелёным, прозрачным, как вода. Оно повисло в воздухе, затем вздрогнуло и приняло форму маленькой птицы, что закружилась над камнем.

Путник наблюдал в молчании, затем сказал:

– Отлично. Теперь ты понимаешь, что это не просто камень. Это инструмент, который заставляет тебя мыслить иначе.

Двемер открыл глаза. Внутри него разгорелось ощущение необычайной силы. Он видел, что каждое заклинание теперь может быть гибким, как живая ткань. Огненная птица из Изумруда сжалась и превратилась в пульсирующий шар энергии, готовый к любому преобразованию.

– Но что насчёт контроля? – спросил он. – Если Изумруд перепишет заклинания, как мне быть уверенным, что сила не обратится против меня?

– Контроль приходит через понимание, – ответил путник.

– Камень чувствует намерение. Если ты сосредоточен, заклинание принимает твою форму. Если же ты колеблешься, камень формирует собственный путь.

Двемер сделал шаг назад. Он чувствовал, что сила Изумруда – это как общение с разумом, который не полностью понимаешь. Он мог вдохнуть жизнь в заклинания, но мог и потерять их.

– Ты понимаешь, что этот камень может изменить исход любой битвы, любой магической дуэли? – сказал путник. – Он – оружие и одновременно учитель.

Двемер кивнул. Он начал чувствовать, что в руках держит не просто минерал, а ключ к новым горизонтам магии.

Внезапно в туманном воздухе раздался звук шагов. Они были тихими, осторожными, но настойчивыми. Путник повернулся, подняв капюшон, и его глаза засияли в полумраке.

– Кто-то приближается, – сказал он. – И он тоже ищет Изумруд.

Двемер взглянул в сторону тропы. Сквозь туман показалась фигура. Она была высокой, с длинным плащом, который колыбался, будто был живым. В руках сиял предмет, напоминавший посох.

– Значит, испытание начинается, – сказал Двемер. – Камень готов, и я тоже.

Он вновь прикоснулся к Изумруду. Воздух закрутился, свет вспыхнул, а энергия стала полной, ощутимой. Заклинания, которые он произнес, изменялись на лету, приобретая

новые формы и функции. Пламя и воздух, вода и земля – всё подчинялось его воле, но с новым, неожиданным потенциалом.

Путник кивнул.

– Динамичный Изумруд не ждёт.

И тогда Двемер понял: впереди будет не просто исследование, не просто сражение, а целая симфония магии. Камень меняет заклинания, но он также меняет тех, кто ими владеет. Каждый новый заклинатель получит уникальный опыт.

Он вдохнул глубоко и произнёс заклинание, которое могло бы разрушить обычный камень. Но Изумруд принял его, трансформировал и возвратил обратно как сферу света, наполненную силой, готовую к новым формам и возможностям.

– Всё начинается здесь, – сказал Двемер. – С камнем, который меняет заклинания.

Путник кивнул, и туман вокруг них стал прозрачнее. Они оба понимали: впереди – путешествие, которое изменит их магию и саму суть мира.

Туман над Долиной Изумруда не только скрывал тропы – он жил собственной жизнью. Каждый шаг Двемера отзывался странной вибрацией под ногами, а воздух вокруг дрожал, словно реагировал на присутствие магии. Путник в капюшоне шёл рядом, но держался на безопасном расстоянии, оставляя место для экспериментов.

– Изумруд – не просто камень, – сказал Двемер, держа в

руках сияющий минерал. – Он меняет заклинания, но теперь я вижу, что он также создаёт... иллюзии.

– Иллюзии? – переспросил путник, слегка наклонив голову. – Ты имеешь в виду то, что видят глаза, или то, что чувствует разум?

– Всё сразу, – ответил Двемер. – Камень способен обманывать магов. Не только врагов – даже меня. Он видоизменяет то, что я создаю, подсовывает ложные цели, меняет восприятие.

Туман вокруг них внезапно усилился. Сначала они увидели обычные очертания деревьев, скал и камней. Но через несколько мгновений мир вокруг начал расплываться. Камни казались живыми, скалы изгибались в стороны, а тропы исчезали и появлялись в другом месте.

– Признаки Изумруда, – тихо сказал путник. – Он играет с разумом так же, как с магией.

Двемер остановился. Он поставил камень на землю и осторожно провёл рукой над ним. Изумруд мгновенно засветился зелёным светом, и воздух наполнился мягким шорохом, как если бы сама реальность шептала ему.

– Смотри, – сказал Двемер, – он уже меняет восприятие. И правда: прямо перед ними возникла фигура. Человек, высокого роста, с длинными волосами и сияющими глазами, шагал им навстречу. Он улыбался дружелюбно, и в его руках был посох, на конце которого переливались огненные кристаллы.

– Кто это? – спросил путник.

Двемер нахмурился.

– Иллюзия. Я знаю это. Но она настолько реальна...

Фигура подошла ближе. Каждый её шаг звучал как мелодия, которую нельзя было слышать обычными ушами.

– Я могу использовать Изумруд для обмана врагов, – продолжал Двемер, – но если он может создавать такие образы, что мешает ему обмануть меня?

– Ты должен проверить это, – ответил путник. – Попробуй заклинание.

Двемер поднял руку и направил на фигуру небольшую вспышку огня. Огненный шар вылетел и коснулся иллюзии. Но фигура не исчезла. Вместо этого шар превратился в синий светящийся кристалл, который завис в воздухе, как будто его энергия приняла новую форму.

– Он изменил заклинание, – сказал путник. – Камень не ломает магию, он переписывает её под себя.

Двемер глубоко вдохнул. Он понимал, что Изумруд – это не просто камень, а разумный артефакт.

В этот момент фигура заговорила:

– Я знаю, чего ты ищешь. Я могу помочь.

Двемер шагнул назад. Голос был знаком, но лицо оставалось чужим.

– Иллюзия или нет, – сказал он себе, – я не могу позволить себе ошибку.

Он произнёс заклинание ветра. Ветер поднялся, закручи-

ваясь вокруг фигуры, пытаюсь разнести её на части. Иллюзия дрогнула и распалась... но тут же собралась снова, словно ничего не произошло.

Путник в капюшоне посмотрел на Двемера.

– Видишь? Изумруд усиливает иллюзии. Они не просто видны, они живые. Каждый раз, когда ты используешь магию, камень создаёт альтернативный результат.

– Но зачем? – спросил Двемер. – Для чего ему это нужно?

– Чтобы испытать тебя, – ответил путник. – Камень выбирает тех, кто достоин. И он проверяет не силу, а мастерство, рассудок и способность мыслить нестандартно.

Двемер сделал шаг вперёд. Он взглянул на фигуру иллюзии. Теперь она стояла неподвижно, словно выжидая. В этот момент он понял: нельзя сражаться с Изумрудом напрямую. Нужно использовать его возможности.

Он сосредоточился, вдохнул и произнёс заклинание огня, но на этот раз позволил Изумруду направить его. Пламя вырвалось наружу не шаром, а в виде узорчатой линии, которая обвила иллюзию и заставила её исчезнуть.

– Правильно, – сказал путник. – Камень не враг, если ты умеешь им пользоваться.

Двемер опустил взгляд на Изумруд. Он светился мягким салатным светом, словно подтверждая, что маг принял вызов.

– А если иллюзия сильнее? – спросил Двемер. – Если она способна обмануть весь мой разум?

– Тогда ты столкнёшься с самим собой, – сказал путник. – Изумруд показывает твои страхи, твои сомнения, твои ошибки. Он не даёт обойтись без истины.

Двемер закрыл глаза. Он видел все образы, которые камень мог создать: древние башни, затонувшие города, титанов, что спали под землёй. Каждый образ был соблазнительным, опасным, манящим.

Он вспомнил первые дни работы с Атласом Гравюры, первую встречу с иллюзиями Тени, битву за алмазный бур. Всё это закалило его разум.

Он открыл глаза и произнёс заклинание света. Изумруд откликнулся мгновенно. Свет вырвался наружу, создавая лабиринт иллюзий, каждая из которых была обманкой. Двемер начал двигаться сквозь них, используя магию, чтобы различать реальность и ложь.

– Смотри, – сказал путник, – это и есть истинная проверка. Не разрушать иллюзии, а использовать их.

Двемер кивнул. Он позволил камню направлять магию. Иллюзии начали меняться сами: что-то становилось препятствием, что-то – проводником. Он шагал вперёд, каждая нота магии взаимодействовала с Изумрудом и с окружающим пространством.

Постепенно лабиринт иллюзий рассеялся. Туман начал спадать, и впереди показалась тропа, ведущая к вершине скалы, где, по легендам, находился древний храм.

– Ты понял, – сказал путник. – Изумруд проверяет не силу

заклинания, а силу мага. Твоё мастерство воли и рассудка теперь доказано.

Двимер посмотрел на камень. Он вибрировал, излучал бие, словно живой. Камень действительно был «динамичным». Но теперь Двимер знал: иллюзии, созданные Изумрудом, можно использовать как оружие, как щит и как проводник.

– И путь дальше открыт, – сказал он. – С этим камнем я смогу пройти там, где другие потерпят поражение.

– Именно, – подтвердил путник. – Но помни: Изумруд изменяет не только заклинания. Он меняет тебя. Внутри камня скрыта сила, способная перевернуть мир.

Двимер взял Изумруд в руки и направился к тропе. Путник последовал за ним, плечом к плечу.

– Ты готов к следующему испытанию? – спросил путник.

– Канеш, – ответил Двимер. – Теперь я знаю, что значит магия не только творить, но и заблуждать разум, видеть иллюзии и понимать их природу.

И вместе они пошли вперёд. Туман рассеялся полностью. Изумруд сиял в ладони Двимера, готовый переписывать заклинания и создавать новые иллюзии на их пути. Каждое движение, каждый шаг вперед был наполнен магией, где реальность и обман сливались воедино.

Впереди маячили новые горизонты, новые испытания, и новые тайны, но теперь Двимер был готов. Иллюзии больше не мешали ему – они были инструментом, который мог ис-

пользовать каждый маг, кто осмелится шагнуть в мир Динамичного Изумруда.

Подземелье шахт было неприветливым местом. Стены из тёмного камня сыпались крошкой под ногами, и воздух был густым, пропитанным запахом железа и влажной земли. Своды шахты скрывали в себе древние механизмы, ржавые цепи, остатки старых наковален и вентиляционных колодцев, давно заброшенных мастерами, которые создавали артефакты ещё до появления городов.

– Будь готов, – сказал Двемер, не сводя глаз с камня. – Сегодня мы испытаем его в полной силе.

Путник кивнул.

Они подошли к старой каменной арке, ведущей в самую глубину шахты. На её поверхности виднелись древние руны, частично стёртые временем. Изумруд засветился ярче, словно узнав направление.

– Здесь, – сказал Двемер. – В этом подземелье скрыта концентрация энергии. Если мы активируем камень правильно, он вызовет чистый взрыв силы, который откроет путь к центру шахт.

– Ты уверен, что это безопасно? – спросил путник.

– Абсолютно нет, – улыбнулся Двемер. – Но безопасное магическое действие не приносит открытий.

Они вошли внутрь. Тьма шахты была плотной, но зелёный свет Изумруда прорезал её как нож. Камень вибрировал, отдаваясь под ладонью Двемера. Каждый шаг отзывался

эхом, которое перемешивалось с низким гулом, исходящим из глубины.

– Слушай, – сказал путник, – ты слышишь это?

– Да, – ответил Двемер. – Это энергия шахт. Она концентрируется здесь веками. Камни сами по себе – проводники силы, но мы сможем использовать их для создания взрыва.

Двемер опустил Изумруд к земле. Камень мгновенно загорелся, а свет проник внутрь камня, распространяясь по трещинам в стенах шахты. Путник почувствовал лёгкое напряжение в воздухе – энергия была настолько плотной, что её можно было осязать.

– Начинаем, – сказал Двемер. Он поднял руки и произнёс заклинание, используя Изумруд как катализатор.

Сначала произошло лёгкое мерцание. Камень вибрировал, и по стенам шахты пробежали зелёные искры. Магия начала распространяться, переплетаясь с природной энергией шахт. Потоки света обвивали ржавые цепи, наковальни, старые механизмы.

– Ещё немного... – произнёс Двемер.

Он активировал вторую стадию заклинания. Свет Изумруда увеличился в десятки раз, и воздух заискрился. Внезапно стены шахты начали дрожать. Каменные блоки сыпались, мелкие куски летели по коридорам, создавая хаос.

– Держись! – крикнул путник.

В тот же момент Изумруд вырвался из рук Двемера. Сильный свет вспыхнул настолько ярко, что временно ослепил

обоих магов. Подземелье содрогнулось. Гул превратился в рев. В шахте ощущался настоящий взрыв энергии, не разрушительной, а активирующей, словно сама земля проснулась после веков сна.

Энергия Изумруда трансформировалась в магический поток, который начал выталкивать иллюзии из стен шахты. Эти иллюзии – образы древних кузнецов, стражей и магических существ – начали исчезать. Их магическая оболочка рассеялась в воздухе, а настоящая сила Изумруда концентрировалась на центре шахты.

– Почувствуй её! – закричал Двемер. – Это энергия всего подземелья, она теперь наша!

Путник подошёл ближе, но Изумруд засветился ещё сильнее, реагируя на присутствие двух магов. Поток энергии обвил их, словно огромные невидимые руки, создавая ощущение, что пространство вокруг них меняется. Стены шахты дрожали, пол выгибался, словно под ногами ходили гигантские существа.

– Камень живой, – сказал путник. – Он ощущает магов и реагирует на их намерения.

– Да, – кивнул Двемер. – И сейчас он покажет, на что способен.

Сила Изумруда начала концентрироваться в центре шахты. Яркий зелёный свет вырвался наружу, образуя сферу, которая начала вращаться. Сфера медленно поднималась над землёй, излучая магическую энергию, способную разрушить

каменные стены, но в то же время создавать новые проходы и коридоры внутри шахты.

– Смотри! – крикнул Двемер. – Это момент истинного контроля!

Они оба протянули руки к сфере. Изумруд вибрировал, усиливая магию каждого из них. Энергия вращалась вокруг, переплеталась, образуя световые нити, которые направляли поток в центр шахты.

– Вперед, – сказал путник. – Мы должны направить его в подземное ядро.

Двемер сосредоточился. Он визуализировал путь энергии: узкий коридор, ведущий к старой кузнице, где хранились инструменты древних мастеров. Свет Изумруда начал сжиматься, превращаясь в поток, способный прорвать каменные преграды.

– Почти готово! – сказал Двемер.

И тогда произошёл момент истины. Поток энергии, сжатый и направленный, достиг ядра шахты. Взрыв света осветил всю шахту, ослепляя магов на мгновение. Каменные стены содрогнулись и частично осыпались, открывая доступ в центральное подземелье.

– Мы сделали это! – крикнул путник. – Взрыв энергии открыл путь к кузнице!

Двемер поднял Изумруд. Камень сиял мягким салатovým светом, словно был живым существом. Он позволил магам почувствовать, что их заклинания переписаны. Любое дви-

жение руки, любое слово теперь имело усиленный эффект.

– Но будь осторожен, – сказал путник. – Взрыв энергии – это не конец. Это только начало. Камень только начинает раскрывать потенциал.

Двемер посмотрел в глубину шахты. Подземелье ждало. Здесь должны были находиться старые инструменты кузнецов, хранящие в себе секреты силы и магии. Теперь, с Изумрудом в руках, они могли пройти туда.

– Что дальше? – спросил путник.

– Взрыв энергии открыл путь. Теперь нужно использовать его, чтобы освоить подземелье и раскрыть силу древних мастеров. – ответил Двемер.

Зелёный свет Изумруда осветил путь, и маги шагнули внутрь. Подземелье встречало их гулом, эхом магии, которая жила здесь веками. Каждый шаг отзывался вибрацией, напоминая, что энергия шахт теперь подчиняется их воле.

Двемер знал, что впереди ещё много испытаний, но теперь у него был Изумруд. Камень, что меняет заклинания и создаёт мощнейший взрыв энергии в шахтах.

Глава 6. Дсээвдиряюдсаее канон

Двемер сидел за массивным дубовым столом в своей лаборатории. Лаборатория была полна странных артефактов: кристаллов, гравированных рун, алхимических инструментов и магических свитков, расставленных по полкам. Но сегодня его внимание привлёк один предмет, который до этого

никогда не попадал ему в руки.

Манускрипт. Старый, потертый, с обложкой из чёрной кожи, на которой едва различались золотые символы. Название было написано так, что его невозможно было прочесть обычным взглядом: «Дсээвдиряюдсае канон». Даже опытный маг мог бы потерять нить смысла при чтении.

– Интересно, – пробормотал Двемер, проводя пальцами по обложке. – Кто мог создать это чудо? И зачем оно было скрыто так глубоко, что даже древние архивы о нём ничего не знали?

Он открыл манускрипт. Страницы были полны непонятных знаков, причудливо переплетённых линий и символов, которые меняли форму на глазах. Некоторые руны светились зелёным, словно пытаясь привлечь внимание.

– Магия внутри... – сказал он, ощупывая светящееся письмо. – Это не просто запись. Это канал силы, который может влиять на заклинания.

Двемер начал читать, но буквы словно играли с ним. Строки меняли порядок, знаки переписывались. Он понял, что обычное чтение здесь бессмысленно. Нужен был особый подход – тактический, как при сражении или при использовании Изумруда.

В этот момент в лаборатории появился путник в капюшоне. Его глаза, скрытые в тени, следили за каждым движением.

– Я слышал, ты нашёл Дсээвдиряюдсае канон, – сказал

он тихо. – Никто не может его читать без подготовки.

– Да, я понял это, – ответил Двемер. – Но я должен узнать, что в нём скрыто. Манускрипт может содержать заклинания, забытые веками.

– Или ловушки, – заметил путник. – Древние маги защищали свои знания не только чарами, но и иллюзиями, изменяющими разум тех, кто пытался их раскрыть.

Двемер кивнул. Он знал, что любая ошибка при чтении манускрипта может быть смертельной: иллюзорные заклинания, ловушки, магическая энергия – всё это скрывалось между строк.

Он прикоснулся к одной из страниц. Сразу же воздух вокруг засветился мягким зелёным светом. Символы начали двигаться, переплетаясь и создавая новые линии. Каждое движение руки Двемера приводило к изменению текста.

– Он живой, – пробормотал Двемер. – Манускрипт реагирует на моё внимание.

Путник сделал шаг вперёд.

– Я могу помочь, – сказал он. – Но помни: это не обычная магия. Здесь всё переплетено. Твоя сила, Изумруд, энергия подземелий – всё может вмешаться в чтение.

– Тогда начнём, – сказал Двемер.

Он сосредоточился, вызывая внутреннюю гармонию магии. Вдох, выдох, концентрация. Изумруд в руке светился зелёным светом, резонируя с силой манускрипта. Страницы начали дрожать. Символы поднялись в воздух, образуя узор,

который можно было наблюдать со всех сторон.

– Я вижу линии, – сказал Двемер, – они создают путь. Это как лабиринт магии.

– Правильно, – кивнул путник. – Но помни: каждая неверная линия, каждое неверное движение может изменить смысл заклинания. Ты должен думать как тактик.

Двемер сделал первый шаг. Он выбрал линию символов и направил через неё энергию Изумруда. Свет пробежал по рунам, а страницы завибрировали. Внезапно иллюзия возникла прямо перед ними: фигура древнего мага в золотых одеждах. Он поднял руку и произнёс заклинание, которое заставило воздух вокруг закрутиться.

– Иллюзия, – прошептал путник. – Она проверяет тебя.

– Я готов, – сказал Двемер. Он поднял руку и использовал Изумруд, направляя поток магии в ответ. Иллюзия сопротивлялась, создавая вихрь заклинаний и обманывающих образов.

Каждое движение Двемера усиливало свет Изумруда, а магия манускрипта начинала резонировать с его внутренней силой. Иллюзия исчезла, оставив после себя золотой свет, который затем превратился в линии, заполнявшие страницы манускрипта новыми символами.

– Ты видишь? – спросил путник. – Манускрипт учится на твоих действиях. Он адаптируется.

– А если он адаптируется быстрее меня? – спросил Двемер.

– Тогда ты станешь частью испытания, – ответил путник.
– Здесь нет обычных правил. Только мастерство и интуиция.

Двемер взял паузу. Он понял, что чтение манускрипта – это не просто перевод символов, а взаимодействие с силой, которая жива сама по себе. Каждое заклинание, которое он использовал, каждая мысль влияли на структуру текста.

– Нужно идти дальше, – сказал он. – Иначе манускрипт закроется сам.

Они начали медленно двигаться по лаборатории, используя Изумруд для стабилизации энергии. Страницы манускрипта светились ярче, а символы начали складываться в линии, образуя схемы. Это был план древней магии, закодированный так, чтобы только опытный маг смог его использовать.

Внезапно свет Изумруда вспыхнул особенно ярко. Страницы начали шевелиться, а воздух заполнился искрами энергии. Двемер и путник ощутили лёгкое давление – словно пространство вокруг них сжималось и растягивалось одновременно.

– Взрыв энергии, – сказал путник. – Манускрипт активировал защиту.

– Я знаю, – ответил Двемер. – Нужно направить силу обратно в Изумруд.

Он протянул руку, Изумруд засиял, и энергия потекла обратно через камень. Взрыв мгновенно стих, оставив после себя лишь мягкое свечение. Страницы манускрипта переста-

ли двигаться, линии стабилизировались.

– Отлично, – сказал Двемер, – мы справились.

Он чувствовал, что только что пережил первый уровень испытания: смог выдержать взрыв энергии и управлять силой манускрипта.

Он сел за стол и снова открыл страницы. Символы теперь светились ровно и спокойно. Каждое заклинание, которое он использовал, осталось записанным, но теперь оно было преобразовано: стало более мощным, гибким и адаптивным.

– Дсээвдиряюдсае канон, – сказал он тихо, – ты показал мне, что магия может быть живой. И теперь она моя.

Путник в капюшоне стоял рядом, наблюдая. Он знал: это был лишь первый шаг. Дальше их ждала борьба не только с манускриптом, но и с теми, кто хотел заполучить силу Дсээвдиряюдсае канона для себя.

– Манускрипт раскрыл первую часть силы. Остальное ждёт нас дальше. – сказал Двемер.

И так они продолжили исследование, зная: Дсээвдиряюдсае канон – это не просто книга, а целая система магии, которая может изменять заклинания, пространство и саму реальность. С каждым шагом они приближались к разгадке, готовые встретить новые взрывы энергии, иллюзии и испытания, скрытые в древнем тексте.

Двемер стоял в величественном зале, его глаза были прикованы к ансамблю "Ревень". Музыканты расположились на возвышении, окружённые старинными обелисками и грави-

рованными колоннами. В воздухе витал лёгкий запах ладана и старой бумаги, напоминающий о забытых временах, когда магия переплеталась с искусством.

– Сегодня мы попробуем особое исполнение, – сказал дирижёр ансамбля. Его голос был мягким, но уверенным. – Песня, которая может нарушать течение времени.

Двеме́р напрягся. Он уже сталкивался с магией Изумруда и древними манускриптами, но музыка, способная исказить время, – это было совершенно новое испытание.

Первый аккорд прозвучал из скрипки, и звук медленно закружил зал. Струна вибрировала необычно – каждая волна звука ощущалась как движение воздуха и времени одновременно. Двеме́р ощутил, как пространство вокруг него замедляется: пылинки зависли в воздухе, лёгкий ветер словно застыл, и сама тьма залитого свечами зала стала осязаемее.

– Невероятно, – прошептал он. – Они управляют временем через музыку...

Следующая нота, исполненная на флейте, превратилась в световую волну, которая разлилась по залу. Свет коснулся фресок на стенах, и изображения начали оживать: воины опускали мечи, титаны сгибались, словно их фигуры подчинялись волне магии. Каждое движение было синхронизировано с ритмом ансамбля, и Двеме́р понял, что музыка здесь – это не украшение, а оружие и инструмент контроля реальности.

– Смотрите, – сказал дирижёр, – каждая нота переплете-

на с древними рунами. Мы не просто играем музыку – мы переписываем течение времени.

Двимер сделал шаг вперёд, стараясь уловить структуру потока. Он увидел, как невидимые линии энергии, образованные звуком, охватывают зал, связывая каждую колонну, каждую фреску и каждый предмет. Эти линии реагировали на магическую силу, которую он носил в себе, и начали изгибаться вокруг его ауры.

Он поднял руку, и свет Изумруда в его ладони засиял. Магия камня отозвалась на музыкальный поток, соединяясь с линиями звука. Сразу стало ясно: Изумруд способен усиливать воздействие ансамбля и направлять его, создавая более управляемые временные потоки.

– Вижу, – сказал он, – мы можем работать вместе. Музыка задаёт ритм, Изумруд усиливает эффект.

Дирижёр кивнул, и ансамбль усилил темп. Музыка приобрела сложную структуру: переплелись низкие и высокие частоты, создавая ощущение одновременного замедления и ускорения времени. Двимер почувствовал, как его собственное восприятие начинает изменяться: движения рук, дыхание, пульс – всё синхронизировалось с ритмом ансамбля.

– Это невероятно... – пробормотал он. – Каждая нота управляет не только временем, но и восприятием.

Музыка обвила его, как невидимые нити. Он шагнул вперёд, и пространство вокруг него начало искажаться. Стены зала словно подталкивали его к центру, фрески расплыва-

лись, образуя вихри образов, которые мигали и исчезали.

– Двемер, осторожно! – крикнул путник, но Двемера уже не было слышно в потоке звуков. Он полностью погрузился в магию.

Двемер сосредоточился. Он направил Изумруд, позволяя энергии камня взаимодействовать с каждой нотой ансамбля. Свет камня соединился с линиями звука, образуя спираль времени. Вихрь закрутился вокруг него, создавая иллюзию, что прошлое и будущее смешались. Он увидел собственные шаги, которые ещё не сделал, услышал голоса, которые ещё не прозвучали.

– Так это и есть Дсээвдиряюдсае канон... – пробормотал он. – Пение, которое способно изменить не только время, но и события.

Он сделал шаг назад и попытался визуализировать поток. Линии звука стали заметнее, как полупрозрачные струны света. Каждая нота была как ключ к определённом моменту времени. Двемер понял: если правильно направить эти ноты, он сможет изменять течение событий, предсказывать последствия и даже вмешиваться в ход сражений, ещё не наступивших.

– Музыка – это заклинание, – сказал он вслух. – Заклинание, которое можно читать и писать в реальном времени.

Ансамбль ускорил темп. Ноты начали звучать так, что воздух вибрировал, создавая физическое давление. Двемер ощутил, как магическая энергия влияет на стены, колонны,

фрески и даже на сам Изумруд. Камень в его руках светился ярче, реагируя на каждую ноту.

– Ещё немного, – сказал он себе. – Нужно синхронизироваться полностью.

Он закрыл глаза и позволил музыке заполнить сознание. Внутренний ритм Изумруда начал совпадать с ритмом ансамбля. Каждая линия энергии в зале приобрела форму, словно сама ткань времени начала подчиняться их воле.

В этот момент зал наполнился светом и тенью одновременно. Прошрое, настоящее и будущее начали накладываться друг на друга. Двимер увидел моменты, которые ещё не наступили, услышал голоса тех, кто ещё не пришёл. Иллюзии прошлого смешались с потенциалом будущего, и всё это управлялось музыкой ансамбля "Ревень".

– Это... слишком мощно, – прошептал он. – Но я чувствую, что могу контролировать поток.

Он поднял Изумруд и направил энергию в центр зала. Вихрь звуков и света начал сгущаться, формируя магическую сферу. Сфера вибрировала от силы времени, и внутри неё мелькали образы прошлого, настоящего и будущего. Каждое мгновение зависло, и Двимер мог выбирать, какое событие ускорить, а какое замедлить.

– Музыка меняет всё, – сказал он вслух. – Но Изумруд позволяет мне управлять этим изменением.

Ансамбль "Ревень" продолжал играть, и каждая новая нота усиливала магическую сферу. Двимер почувствовал, что

может не только видеть, но и ощущать время. Он мог предугадывать движения музыкантов, мгновения их вдоха, и использовать это для точного управления магией.

– Почувствуй, – сказал он путнику, если бы тот был рядом. – Здесь нет хаоса. Всё подчинено ритму.

Он сделал резкое движение рукой, и сфера начала вращаться вокруг оси. Внутри неё пространство искривилось, образы прошлого и будущего смешались ещё плотнее. Он увидел события, которые только предстоит пережить, ошибки, которые ещё не совершены, и моменты триумфа, которые ещё не наступили.

– Это и есть сила Дсээвдиряюдсае канона, – прошептал Двемер. – Пение, нарушающее время, позволяющее переписывать события до того, как они произойдут.

Музыка достигла кульминации. Ноты вибрировали так, что зал казался живым существом. Каменные стены дрожали, колонны гнулись, а фрески на стенах оживали, показывая сцены, которые ещё не случились. Двемер почувствовал, что он больше не просто маг – он стал проводником времени, компасом ансамбля и Изумруда.

Когда последний аккорд стих, зал погрузился в тишину. Изумруд светился мягким салатовым светом, и магическая сфера медленно растворилась. Двемер открыл глаза. Он стоял на месте, но чувствовал, что время вокруг него стало гибким, податливым. Он мог влиять на события, ощущать прошлое и предугадывать будущее.

– Мы сделали это, – сказал он тихо. – Пение нарушило время, а Изумруд направил его.

Ансамбль "Ревень" опустил инструменты и улыбнулся. Двемер понял: это только начало. Сила Дсээвдиряюдсае канона теперь была в его руках, и он готов был использовать её для изучения магии, битв и открытий, которые ещё не произошли.

И где-то глубоко внутри, он знал: время теперь стало инструментом, а музыка – ключом к его контролю.

Двемер стоял в полутёмном зале, где древние фрески и обелиски создавали ощущение забытой эпохи. Перед ним расположился ансамбль "Ревень", готовый к новому эксперименту магии. В воздухе витала особая тревожная энергия: что-то древнее, непостижимое, готовое развернуть свою силу.

– Сегодня мы попробуем то, что ещё никто не делал, – произнёс дирижёр ансамбля. Его взгляд был строгим, голос уверенным, но дрожащим от предчувствия опасности. – Мы вызовем Химеру слов.

Двемер напрягся. Он слышал легенды о существах, созданных из магии языка и заклинаний, но никогда не сталкивался с настоящей Химерой. Существа эти были порождением магического слова и звука, способные изменять реальность и разрушать законы природы.

– Будьте осторожны, – сказал Двемер. – Я готов направить Изумруд, но сила этих существ непредсказуема.

Музыканты подняли инструменты. Флейта, скрипка и гитара зазвучали одновременно. Звук был необычайно густым, плотным, как если бы ноты сами были материей. В центре зала воздух завибрировал, а линии света начали складываться в нечто, похожее на фигуру: полупрозрачную, но живую, с постоянно меняющимися контурами.

– Она появляется! – произнёс дирижёр. – Следите за каждым словом и звуком!

Двеме́р сжал Изумруд в руке. Камень засиял зелёным светом, отзываясь на магический поток. Он направил энергию на фигуру – Химеру, которая медленно формировалась из музыкального вихря и невидимых слов.

Химера слов была огромной и переменчивой. То её голова напоминала львиную, то драконью; тело складывалось из переливающихся букв и рунических символов; крылья образовывались из нот, переливающихся светом. Каждый её шаг был звуковым взрывом, каждое движение – слиянием времени, музыки и магии.

– Мы должны контролировать её, – сказал Двеме́р сам себе. – Если она выйдет из подчинения, будет слишком поздно.

Ансамбль "Ревень" усилил темп. Музыка начала переплетаться с магией Двеме́ра, создавая устойчивый поток энергии. Но Химера не была пассивной: она реагировала на каждую нотку, на каждое движение Изумруда. Символы на её теле изменялись, образуя новые формы, новые руны, которые моментально запускали заклинания разрушения.

Двемер направил поток Изумруда прямо в центр существа. Синий свет вспыхнул, создавая барьер между магом и Химерой. Сила Химеры ударила по щиту, вызывая вибрацию в камнях зала. Пол трясся, колонны задрожали, а фрески мигали странными образами, показывая сцены, которых ещё не было.

– Она использует не только силу слов, но и восприятие! – крикнул Двемер. – Она чувствует исход!

Музыка ансамбля становилась всё быстрее и сложнее. Двемер направлял Изумруд, пытаясь удерживать Химеру в пределах контроля, но каждая новая комбинация нот и символов существа была непредсказуема. Химера ударила хвостом, состоящим из букв и рун, создавая вихрь, который закружил воздух вокруг. Стены зала покрылись зеленовато-синим сиянием, отражающим магическую активность.

– Нам нужно соединить наши силы, – сказал Двемер. – Музыка задаёт ритм, Изумруд направляет поток, я – координатор.

Он сконцентрировался и начал визуализировать магический поток: линии энергии обвивали Химеру, создавая сеть, которая фиксировала её движения. Каждая нота ансамбля укрепляла этот поток, формируя невидимые узлы, связывающие пространство вокруг существа.

Химера вдруг издавала звук, похожий на рев дракона, и энергия вокруг неё заискрилась. Символы на теле существа начали лететь, как острые ножи, к Двемеру. Он использовал

Изумруд, создавая защитный пузырь, который отражал атаки.

– Её сила огромна! – подумал он. – Но она зависит от музыки. Без неё она теряет стабильность.

Двемер начал изменять ритм потока Изумруда, синхронизируя его с музыкой ансамбля. Он ощущал каждую ноту, каждую вибрацию, и направлял энергию точно на линии Химеры. С каждым ударом энергия Изумруда сжимала магический вихрь, фиксируя форму существа.

– Отлично, – сказал он сам себе. – Теперь мы сможем управлять её движением.

Химера попыталась прорваться, создавая новые формы. Её голова вдруг стала многоголовой, каждая голова шипела словами, заклинаниями и рунами. Двемер сжал Изумруд ещё сильнее и направил поток в каждую из голов, удерживая их в стабильном положении.

– Музыка усиливает её, а я удерживаю, – думал он. – Нам нужно направить её в зал, чтобы изучить потенциал.

Ансамбль продолжал играть, а звук становился острее, плотнее. Химера реагировала на каждую ноту, пытаясь вырваться, но Двемер умело направлял Изумруд. Энергия существа начала концентрироваться в центре зала, где маг сформировал барьер, позволяющий изучать его силу, не подвергая опасности самих музыкантов.

– Она ещё молодая, – сказал он вслух. – Но уже могущественная. Каждое её движение – это заклинание, каждое сло-

во – магия.

Двемер начал экспериментировать: он направлял части Химеры в разные уголки зала, наблюдая за реакцией музыки. Символы на её теле изменялись мгновенно, создавая новые рунические конструкции. Он понял: Химера – это не просто существо, а живой канал магии, связанный с музыкой ансамбля и самим пространством.

– Нам нужно обучить её, – сказал он сам себе. – Если сможем направлять её энергию, она станет инструментом, а не угрозой.

Он начал использовать Изумруд для создания магических узлов, фиксирующих части Химеры. Музыка ансамбля помогала удерживать её в форме, а он постепенно изучал структуру заклинаний, которые она использовала. Каждое движение хвоста, каждая смена головы и крыльев содержали заклинание, способное изменить физические законы зала.

– Сила слов может разрушить стены, но может и создавать их, – размышлял Двемер. – Нам нужно балансировать поток.

После долгого взаимодействия Химера начала управляться. Её движения стали плавнее, линии энергии стабилизировались, а символы на теле медленно светились ровным светом. Двемер почувствовал: теперь он может направлять её действия, изучать заклинания и использовать магию слов в комбинации с Изумрудом.

– Отлично, – сказал он тихо. – Первое столкновение пройдено. Она под контролем.

Ансамбль "Ревень" опустил инструменты, улыбаясь. Музыканты знали: Химера – это не просто эксперимент. Это ключ к изучению магии, скрытой в Дсээвдиряюдсае каноне.

Двемер отошёл от середины зала. Химера легла на пол, символы на её теле постепенно исчезли, оставляя лишь мягкое свечение. Маг понимал: это была только первая встреча, первые шаги в изучении силы, заключённой в словах и звуках.

– Сила слова – огромна, – пробормотал он. – И теперь мы её контролируем. Но впереди нас ждёт ещё много испытаний.

Он взглянул на ансамбль: их музыка не просто оживляла заклинания, она создавала жизнь, формировала пространство и даже время. Двемер понял: Химера слов – это лишь начало. Впереди будут новые существа, новые заклинания, новые испытания. И всё это – в рамках Дсээвдиряюдсае канона, магии, которая способна изменять саму ткань реальности.

Глава 7. Конгломерат

Двемер стоял на возвышении над площадью старого города. С утра сюда стекались маги и люди, представители разных домов и кланов, каждый со своими символами, гербами и традициями. Сегодня происходило то, что не случалось веками: формирование Конгломерата – союза магических до-

мов.

– Добро пожаловать, – произнёс он, глядя на собравшихся. – Сегодня мы объединяем усилия ради общего дела. Мир меняется, и только через сотрудничество мы сможем выстоять.

Среди собравшихся были маги, чьи способности варьировались от манипуляций с энергией до управления стихиями, и люди – воины, тактики, кузнецы, алхимики. Все они пришли с одной целью: создать мощный союз, способный противостоять тем, кто хотел использовать магию Дсээвдиряа-юдсаеа канона во зло.

– С чего начнем? – спросил один из старших магов, представитель Дома Огня. – Двемер, ты предлагаешь план?

– Да, – ответил Двемер. – Мы должны синхронизировать наши силы и распределить ответственность. Магия каждого дома уникальна, но только в совместной работе она станет по-настоящему мощной.

Он поднял руку, и в воздухе перед ним всплыл голографический проект города, над которым они собрались. Изумруд в его руках светился мягким зелёным светом, указывая на ключевые точки, где взаимодействие магии и человеческих навыков было наиболее необходимым.

– Здесь, – сказал Двемер, – мы разместим защитные руны. Они будут поддерживать барьеры и контролировать потоки энергии. Маги стихий будут направлять стихии, а люди – укреплять структуру и защищать эти узлы от внешних

угроз.

Собравшиеся кивнули. Они понимали: если их силы будут разрознены, защита рухнет. Но если объединить магию и тактику, можно создать систему, которая выдержит любой натиск.

– Я представляю Дом Ветра, – сказала молодая женщина с серебристой косой. – Наши заклинания могут усиливать поток воздуха, ускоряя реакции союзников и ослабляя противников.

– А мы, Дом Камня, – добавил крепкий мужчина с тёмной бородой, – можем укрепить стены, создавать барьеры и ловушки для врагов.

Двемер внимательно слушал. Он уже видел результаты работы ансамбля "Ревень", взаимодействие с Химерой слов и магическую силу Изумруда. Но теперь задача была масштабнее: объединить множество различных магических и человеческих навыков, чтобы создать живой механизм защиты и наступления.

– Отлично, – сказал он. – Давайте начнем с первой фазы: синхронизации.

Маги стали выкладывать свои руны на площади. Светящиеся линии потянулись от них, образуя сеть. Двемер направил Изумруд и связал линии в единый поток энергии. Каждое движение требовало точности: слишком сильное вмешательство – линии распадутся, слишком слабое – сеть окажется нестабильной.

– Почувствуйте ритм, – сказал он. – Это как музыка. Линии энергии должны звучать вместе, создавая гармонию.

Сначала поток был хаотичным. Руны гасли, энергия рассеивалась, и маги пытались подстроиться. Двемер шагнул вперёд, поднял руку, и Изумруд вспыхнул ярким светом. Поток магии мгновенно стабилизировался, линии стали ровными, яркими, переплетёнными в единую сеть.

– Отлично, – сказал он. – Теперь у нас есть основа.

На этом этапе Двемер представил следующую задачу: объединение магии с человеческой тактикой. Воины и тактики приступили к расстановке защитных узлов, расставляя ловушки, укрепляя стены и наблюдая за потоками энергии. Каждый человек выполнял роль, необходимую для устойчивости системы.

– Вижу, вы умеете работать с магией, – сказал один из магов людям. – Но вам нужно доверять потоку и следовать его ритму.

– А вы, маги, – ответил Двемер, – должны учитывать физические ограничения и тактические возможности наших союзников.

Сначала возникло недопонимание. Маги хотели поднимать силу на максимум, люди – строить оборону и контролировать ситуацию. Но Двемер смог скоординировать их. Изумруд стал мостом между магией и физическим миром, синхронизируя ритмы и создавая баланс.

В этот момент на площади появился дирижёр ансамбля

"Ревень". Он кивнул Двемеру и поднял руки. Музыка зазвучала, и её волны начали взаимодействовать с линиями магии. Потоки энергии усилились, стали более гибкими, реагируя на действия людей и магов.

– Музыка объединяет нас, – сказал Двемер. – Она помогает синхронизировать разные типы магии и человеческую волю.

Теперь союз был готов к тесту. Двемер вызвал небольшую магическую проекцию Химеры, чтобы проверить координацию и способность контролировать внешние угрозы. Существо появилось в центре площади, его линии энергии взаимодействовали с магией и музыкой.

– Внимание! – крикнул он. – Все дома должны работать вместе!

Химера попыталась прорваться, создавая метеориты и наполняя пространство хаотичной магией. Но маги и люди, синхронизированные через Изумруд и музыку, мгновенно реагировали. Барьеры срабатывали, ловушки активировались, а потоки магии направляли Химеру в нужное положение.

– Отлично! – воскликнул Двемер. – Мы сделали это!

Это было первое полное испытание Конгломерата. Каждый участник понял: только через совместную работу, доверие и синхронизацию можно управлять магическими существами и потоком энергии.

– Теперь мы готовы к следующему уровню, – сказал Две-

мер. – Союз магических домов – это не только защита, но и наступление. Мы можем создавать мощные комбинации заклинаний, использовать людей как проводников энергии, и направлять силу точно, в самые уязвимые места.

Представители домов переглянулись. Теперь они понимали: Конгломерат – это не просто союз ради безопасности. Это инструмент для исследования магии, её управления и защиты мира от тех, кто хотел использовать силу Дсээвдиряюдсае канона в корыстных целях.

– Я вижу потенциал, – сказал один из старших магов. – Вместе мы сильнее, чем каждый по отдельности.

Двемер кивнул. Он знал: впереди ещё множество испытаний, новые угрозы и загадки, которые потребуют полной координации. Но сегодня они сделали первый шаг. Сегодня Конгломерат жил.

– Мы объединились, – сказал он тихо. – И теперь мы сможем противостоять любому, кто захочет нарушить баланс.

Зал наполнился тихим светом Изумруда. Музыка ансамбля постепенно стихла, оставив после себя ощущение гармонии и силы. Двемер понял: союз магических домов – это не просто договор. Это живой Двигательизм, который способен реагировать на угрозы, усиливать свои ряды и управлять магией, как никогда прежде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.